

СЦЕНА И ЖИЗНЬ

Еженедѣльный, театральный и литературно-художественный иллюстрированный журналъ.

II годъ изданія.

№ 16.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 20-ГО АПРѢЛЯ.

1908 Г.

СОДЕРЖАНІЕ:

Стихотвореніе **Дм. Цензора**: „Неудачный дебютъ“, — набросокъ **Г. А-цаго**; „Тамъ, внутри“, — разск. **Сав. Фидельева**; „Я хочу аромата бѣлаго цвѣта яблоки“, — стихотв. въ прозѣ **А. Дружинной-Гарди**; „Первый дебютъ“, — разск. **А. Бѣловоленко**; „Ожиданіе“, — стих. **А. Грунина**; „Лилька“, — разск. **Л. Михайловой**; „Хризантемы“, — этюдъ **Л. М.**; Театр. „Росмерсхольмсъ“, — рец.

В. Блохина; „Докторъ Штокманъ“, — рец. **Ц. Гросса** и проч.; „44“, — стих. **Видоплясова**; Литература и писатели: „Властитель современныхъ думъ“, — эскизъ **М. Полова**; „Изъ пѣсенъ жизни“, — стих. **Еф. Бахарева**; „Въ теремѣ“, — стих.; „О себѣ для всѣхъ“ — редакц. статья и По Россіи.

Стихотвореніе

Дмитрія Цензора.

* * *
Глаза у тебя озаренные
Глубокою властью сознанія,
Лучистые, тихо влюбленные,
Таящіе нѣгу желанія.

* * *
И чары твои неизбѣжныя,
Порывы прекрасно — безумные,
Какъ вѣтры весенніе — нѣжные,
Какъ бури измѣнчиво — шумные.

* * *
Меня увлекла ты намеками
О тайнахъ любви неизвѣданной,
Словами неясно — далекими,
Душой недоступной и преданной.

* * *
Ты дѣвушка робко — невинная
Въ душистыхъ цвѣтахъ осторожности,
Ты женщина гибко — змѣиная
Съ отравленнымъ кубкомъ
возможности...

Неудачный дебютъ.

(НАБРОСОКЪ СЪ НАТУРЫ).

Наслаждение—было цѣлью супруговъ Зарѣцкихъ. Наслаждение въ его видахъ и проявленіямъ...

Это наслаждение стоило не малыхъ денегъ, но деньги легко доставались молодымъ супругамъ—«презрѣнный металлъ» они зарабатывали оба.

Онъ служилъ въ министерствѣ, она выступала въ концергахъ, хорошо получая за каждый свой выходъ.

Имя Клавдіи Николаевны Зарѣцкой было отлично извѣстно столичному обществу и билеты на концерты съ ея участіемъ быстро раскупались публикой.

Не мало было у Клавдіи Николаевны и поклонниковъ, вѣчно окружавшихъ ее шумной толпой.

Мужу ея не очень нравились льстивыя рѣчи ея «адъютантовъ», какъ онъ выражался, но Клавдія Николаевна всякій разъ говорила:

— «Артисту нужны поклонники—они разносятъ славу и его талантъ!»

Въ домѣ Зарѣцкихъ вѣчно толпился народъ. Журфиксы и балы у нихъ отличались большимъ весельемъ... Хозяйка дома всегда была центромъ веселья.

Владиміръ Павловичъ Зарѣцкій также любилъ повеселиться, никогда не прочь былъ поухаживать за хорошенькими женщинами и въ этомъ отношеніи даже не стѣснялся присутствіемъ жены.

Видя подобныя ухаживанія мужа, Клавдія Николаевна старалась не оставаться въ долгу передъ нимъ и по временамъ заводила какой-нибудь романъ.

Объ одномъ ея романѣ съ богатымъ гусарскимъ офицеромъ ходили довольно грязненькіе слухи...

Безпечная жизнь супруговъ Зарѣцкихъ продолжалась не долго.

Какъ-то простудившись во время кантанья на тройкахъ, Клавдія Николаевна совершенно потеряла голосъ и должна была, къ ея горю, окончательно разстаться съ мыслью когда-либо выступить въ концергахъ.

Съ этого времени доходы Зарѣцкихъ уменьшились болѣе, чѣмъ на половину...

Отказываться отъ прежняго образа жизни имъ не хотѣлось, да они оба и не въ силахъ были измѣнить своимъ прежнимъ привычкамъ—хорошо поѣсть, изящно одѣться, весело развлечься...

Наслаждение—было цѣлью ихъ жизни... Одного жалованья никуда не хватало.

Выходъ былъ скоро найденъ: вернуться однажды ломой ранѣе обыкновеннаго,

Владиміръ Павловичъ принесъ женѣ цѣлый ворохъ дорого стоящихъ процентныхъ бумагъ, посоветовавъ спрятать ихъ въ надежное мѣсто. Клавдія Николаевна сразу же догадалась, откуда могли взяться такія крупныя деньги, немного поплакала, но въ тотъ же день накупила себѣ массу обновокъ.

Пятьдесятъ тысячъ довольно легко достались Зарѣцкому: старикъ начальникъ, не глядя, подмахнулъ фальшивую ассигновку, а черезъ день Зарѣцкій получилъ эти деньги изъ казначейства.

Подлогъ былъ обнаруженъ только чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ.

Зарѣцкаго и его жену вызвали къ судебному слѣдователю. Первою мыслью Зарѣцкаго было уѣхать за-границу, но онъ былъ убѣжденъ, что настолько чисто сфабриковалъ подложную ассигновку, что заподозрить въ подлогѣ именно его было абсолютно невозможно.

Къ тому же и повѣстка отъ слѣдователя была прислана ему, какъ свидѣтелю, а не какъ обвиняемому.

Сдѣлавъ, однако, на случай всѣхъ приготовленія къ возможному отъѣзду, Зарѣцкій вмѣстѣ съ женой направился въ камеру судебного слѣдователя.

* * *

Судебные слѣдователи, выходя одинъ за другимъ изъ своихъ камеръ, запирали ихъ на замки и уходили со службы, а между тѣмъ Зарѣцкіе все еще сидѣли въ приемной, томительно ожидая, когда ихъ вызовутъ для допроса.

Наконецъ, когда пробило гдѣ-то въ дали корридора 5 часовъ, въ камеру слѣдователя была приглашена Клавдія Николаевна.

Замѣтно волнуясь, переступила она порогъ камеры. Женщины вообще довольно рѣдко умѣютъ скрывать свое волненіе...

Къ ея удивленію, вмѣсто суроваго слѣдователя, Клавдія Николаевна увидела въ камерѣ двухъ красивыхъ молодыхъ людей въ судейской формѣ, а въ одномъ изъ нихъ сразу же узнала своего знакомаго Николая Ивановича Петроковскаго.

Послѣдній любезно поздоровался съ Клавдіей Николаевной и поспѣшилъ представить ей своего товарища по службѣ—такого же какъ и онъ—кандидата на судебныя должности Восторгова.

Съ Петроковскимъ Клавдія Николаевна не встрѣчалась нѣсколько лѣтъ, но зато въ бытность его студентомъ она не разъ благосклонно разрѣшала ему провозить себя съ концертовъ.

Изрѣдка заѣзжала съ нимъ куда-либо поужинать, а однажды, когда она ѣхала вдвоемъ въ каретѣ, позволила ему поцѣловать себя въ раздушенную щечку...

Правда, Петроковскій настаивалъ тогда на большемъ, но получилъ самый рѣшительный отказъ.

Всѣ эти воспоминанія вихремъ пронесли въ головѣ Клавдіи Николаевны и она была очень рада встрѣтиться съ Петроковскимъ именно въ этой обстановкѣ.

Молодые люди, обступивъ Клавдію Николаевну, начали оживленно болтать съ нею, но ни звука не говорили по поводу подлога ассигновки.

Петроковскій высказывалъ сожалѣніе, что давно не слышалъ пѣнія Клавдіи Николаевны, выражалъ самое участливое пожеланіе, чтобы голосъ снова вернулся къ ней и вообще наговорилъ Клавдіи Николаевнѣ кучу комплиментовъ.

Волненіе, сначала охватившее Клавдію Николаевну, совершенно исчезло и она оживленно бесѣдовала съ молодыми людьми.

Въ Петроковскомъ она нашла много перемѣнъ къ лучшему и съ наивной простотой высказала это вслухъ. Петроковскій самодовольно покручивалъ свои пушистые усы...

Пока Клавдія Николаевна болтала съ Петроковскимъ, Восторговъ отошелъ въ уголъ камеры и сталъ хлопотать около небольшого столика, покрытаго бѣлой скатертью.

— «Что онъ тамъ дѣлаетъ?»—спросила Клавдія Николаевна Петроковскаго.

— «Видите-ли, —запинаясь, сталъ онъ объяснять,—мы съ товарищемъ иногда завтракаемъ здѣсь въ камерѣ... да не хотите-ли и вы раздѣлить нашу скудную трапезу?»

Клавдія Николаевна была голодна и охотно согласилась. Но трапеза оказалась далеко не скудной—помимо разныхъ закусокъ на столѣ появилось три бутылки дорогого вина и не мало фруктовъ и разныхъ сластей.

Не въ примѣръ многимъ прочимъ своимъ товарищамъ по суду, кандидаты Петроковскій и Восторговъ были сравнительно богаты и во всякое время могли по двѣ, по три красненькихъ затратить на какой-нибудь завтракъ или ужинъ...

Когда дошла очередь до третьей бутылки вина, языки у веселой компаніи какъ-то особенно развязались. Клавдія Николаевна въ шутку спросила Петроковскаго, не съ обдуманнымъ-ли заранѣе

намѣреніемъ было припасено такое вкусное вино?

Этотъ вопросъ очень разсмѣшилъ подвыпившихъ собесѣдниковъ Клавдіи Николаевны и Петроковскій сталъ увѣрять Клавдію Николаевну, что изъ нея вышелъ бы хорошій юристъ, но что все-таки вино припасено безъ всякаго злого умысла...

* * *

Допросъ свидѣтельницы Зарѣцкой, къ удивленію сторожей и къ немалому смущенію ея мужа, затянулся на цѣлыхъ три часа.

Сколько мрачныхъ мыслей пронеслось за это время въ головѣ Владиміра Павловича, сколько самыхъ ужасныхъ предположеній создало его разстроенное воображеніе...

То ему казалось, что гдѣ-то вдаль, раздается плачь его жены, то онъ слышалъ ея умоляющій голосъ, просящій о пощадѣ, то, наконецъ, ему казалось, что жена выдала его головой и что вотъ сейчасъ придутъ къ нему и арестуютъ его.

Но вдругъ одна счастливая мысль освѣтила его; онъ вышелъ изъ пріемной, прошелъ въ корридоръ и спросилъ сторожей, гдѣ находится уборная?

Ему указали на выходную дверь.

Выйдя на лѣстницу и минуя уборную, Зарѣцкій быстро спустился внизъ, вышелъ на улицу, взялъ извозчика и, на минуту захавъ домой, приказалъ своему извозчику поскорѣй добираться до вокзала.

Заграничный паспортъ на чужое имя Зарѣцкій уже нѣсколько мѣсяцевъ носилъ въ боковомъ карманѣ.

* * *

Вино оказало свое дѣйствіе и на Клавдію Николаевну и на молодыхъ помощниковъ судебного слѣдователя. Лица у всѣхъ замѣтно покраснѣлись, а мысли какъ-то особенно сумбурно переплетались въ ихъ головахъ. Незамѣтно отъ Восторгова Петроковскій не разъ прикладывался и къ ручкѣ и къ щекамъ Клавдіи Николаевны.

Впрочемъ, Восторговъ только дѣлалъ видъ, что ничего не замѣчаетъ.

Наконецъ, Петроковскій вспомнилъ, что давно пора приступить къ допросу очаровательной свидѣтельницы. Протоколъ и самое дѣло оказались по близости и дрожащей рукой, дрожащимъ почеркомъ, въ протоколъ была занесена лишь одна фраза:

— «По дѣлу о подлогѣ ассигновки свидѣтельница рѣшительно ничего не знаетъ»...

Прощаясь Клавдія Николаевна говорила, смѣясь:

— «А правда, для такого коротенькаго допроса не надо было цѣлыхъ трехъ часовъ, но я очень мало провела времени въ вашемъ обществѣ, господа. Быть можетъ, Николай Ивановичъ не откажетъ въ безопасности довезти меня до дому?»

Но Клавдія Николаевна и не замѣтила, что Петроковскій давно стоялъ передъ ней одѣтымъ въ пальто и готовый сопроводить ее куда угодно...

Пожимая руку Восторгову, Зарѣцкая поинтересовалась узнать, почему отсутствовалъ старикъ, судебный слѣдователь? Молодые кандидаты откровенно объяснили ей, что имъ очень хотѣлось провести это дѣло самимъ и что они даже скрыли отъ добродушнаго старика-слѣдователя, что на сегодня назначенъ допросъ двухъ свидѣтелей по этому дѣлу.

Восторговъ остался одинъ въ камерѣ, навелъ въ ней полный порядокъ, спряталъ пустыя бутылки въ ящикъ для вещественныхъ доказательствъ и приказалъ затѣмъ служителю позвать для допроса свидѣтеля Зарѣцкаго.

Бесѣдуя какъ-то со своимъ патрономъ-слѣдователемъ Хвостовскимъ, Восторговъ доказывалъ, что подлогъ ассигновки могъ быть совершенъ только однимъ Зарѣцкимъ, но старикъ слѣдователь не согласился съ мнѣніемъ Восторгова и совѣтовалъ ему вызывать Зарѣцкаго не какъ обвиняемаго, а какъ свидѣтеля.

Ожидая появленія Зарѣцкаго, Восторговъ обдумывалъ, какъ онъ долженъ предлагать ему вопросы, но отуманенный мозгъ плохо работалъ, а передъ глазами ему все время рисовался образъ Клавдіи Николаевны.

— «Такія изящныя женщины рѣдко встрѣчаются»—сталъ онъ думать и мысленно позавидовалъ своему товарищу Петроковскому.

Онъ былъ увѣренъ, что тотъ не ограничится одними проводами Клавдіи Николаевны...

Пришедшіе въ камеру служители доложили Восторгову, что свидѣтель Зарѣцкій куда-то исчезъ.

У Восторгова сейчасъ же появилась мысль, что Зарѣцкій скрылся, боясь быть уличеннымъ и боясь возмездія...

Это исчезновеніе Зарѣцкаго еще болѣе укрѣпило въ немъ убѣжденіе о виновности Зарѣцкаго въ подлогѣ ассигновки, и Восторговъ, принимая на себя всю отвѣтственность, составилъ постановленіе о привлеченіи Зарѣцкаго въ качествѣ обвиняемаго и по телефону отдалъ приказаніе въ участокъ и сыскной полиціи немедленно же разыскать и арестовать Зарѣцкаго.

* * *

Приказаніе, данное отъ имени судебного слѣдователя, тотчасъ же было исполнено.

Двое агентовъ сыскной полиціи направились въ квартиру Зарѣцкаго.

Прислуга, отпирывая только что дверь барину и не замѣтившая, какъ тотъ сразу же ушелъ снова, сказала, что Владиміръ Павловичъ дома и пошла доложить о приходѣ неизвѣстныхъ гостей.

Не найдя нигдѣ своего барина и не рѣшившись войти безъ спросу въ будуаръ Клавдіи Николаевны, горничная робко постучала въ дверь.

Она знала, что въ будуарѣ находятся барыни и какой-то молодой человекъ, только-что пріѣхавшій вмѣстѣ съ ней...

Еще такъ недавно она приносила туда сельтерскую воду и двери будуара были раскрыты...

Отвѣта изъ будуара не послѣдовало и на второй стукъ...

Тогда горничная вышла въ переднюю и сообщила ожидавшимъ тамъ людямъ, что ошиблась—барина дома нѣтъ.

Чины полиціи, назвавшись кто они такие, заявили, что должны будутъ произвести обыскъ въ квартирѣ и, не долго думая, направились къ прикрытымъ дверямъ будуара.

На ихъ рѣшительный стукъ изъ будуара вышелъ Петроковскій.

Онъ былъ безъ галстука, безъ жилета и въ тужуркѣ, накинутой на плечи.

Петроковскій былъ изрядно пьянъ и, когда чины полиціи, увѣренные, что встрѣтились съ Зарѣцкимъ (кто же другой могъ выходить въ такомъ видѣ изъ будуара хозяйки дома), предложила ему одѣться и слѣдовать за ними, онъ безропотно исполнилъ это приказаніе.

Черезъ нѣсколько минутъ мнимаго Зарѣцкаго везли на извозчикѣ въ сыскную полицію.

А Клавдія Николаевна, разметавшись на софѣ, спала у себя въ будуарѣ крѣпкимъ сномъ.

Недоумѣвавшая прислуга не рѣшалась будить свою барыню и лишь изъ предосторожности припрятала забытый молодымъ гостемъ жилетъ съ форменными пуговицами...

* * *

Проснувшись довольно рано, Петроковскій недоумѣвалъ, гдѣ онъ находится.

Когда ему объявили, что должны будутъ вести его къ судебному слѣдователю онъ остолбенѣлъ отъ ужаса. Никакія его убѣжденія, что за нимъ не числится и не числится ни одного преступленія, не подействовали...

Его отправили съ городovýmъ на извозчикѣ въ камеру судебного слѣдователя.

Слѣдователь Хвостовскій ранѣе обыкновеннаго пришелъ къ себѣ въ камеру.

По одному изъ дѣлъ ему понадобились вещественныя доказательства и онъ не мало былъ удивленъ, когда обнаружилъ въ ящикѣ для вещественныхъ доказательствъ три пустыя бутылки изъ подъ стараго вина.

Къ тому же на бутылкахъ не было печатей, что свидѣтельствовало о томъ, что это не были вещественныя доказательства по какому-нибудь дѣлу...

Еще болѣе былъ пораженъ старикъ-слѣдователь, когда ему доложили о доставленіи арестованнаго Зарѣцкаго.

Черезъ нѣсколько минутъ Петроковскій, блѣдный какъ полотно и все еще не понимая, въ чемъ дѣло, стоялъ передъ своимъ патрономъ.

Подошедшій Восторговъ, не мало конфузясь, разъяснилъ всѣ сомнѣнія и своего товарища и своего патрона.

Въ заключеніе оба товарища со слезами на глазах умоляли старика Хвостовскаго какъ-нибудь затушить весь скандалъ.

Тѣмъ не менѣе скандалъ этотъ сдѣлался достояніемъ гласности и оба молодыхъ товарища заплатились за него своей карьерой—имъ было предложено подать въ отставку..

Уходя въ послѣдній разъ изъ слѣдовательской камеры, Петроковскій, не мало не горюя, говорилъ Восторгову:

— «Ахъ, если-бъ ты зналъ, какія у ней чулочки, какія ножки!»

Восторговъ не далъ ему договорить и посовѣтовалъ сейчасъ же направиться вмѣстѣ къ Клавдіи Николаевнѣ.

Тотъ сразу же согласился и, сидя на извозчикѣ, разъ десять повторилъ:

— «Нѣтъ, а какія чулочки-то, какія ножки!»..

* * *

Владиміръ Павловичъ Зарѣцкій, благополучно добравшись до Берлина, зашелъ какъ-то въ русскую читальню.

Русскія газеты сообщали объ арестѣ Зарѣцкаго, заподозрѣннаго въ подлогѣ ассигновки на 50.000 рублей.

Зарѣцкій, смѣясь, подумалъ:

— «Какъ врутъ русскія газеты!»

На другой день тѣ же русскія газеты сообщали уже пикантныя подробности ареста Зарѣцкаго.

Эти подробности нѣсколько смутили Зарѣцкаго.

На третій день въ тѣхъ же газетахъ описывался скандалъ съ арестомъ мнимаго Зарѣцкаго.

Газета выпала изъ руки Зарѣцкаго, но онъ скоро овладѣлъ собою и чуть не въ слухъ произнесъ:

— «Да развѣ можно вѣрить женщинамъ, а въ особенности такимъ красивымъ, какъ моя жена... Ну, да впрочемъ, теперь все покончено съ этой женщиной. Завтра же уѣзжаю навсегда въ Америку»..

Зарѣцкому удалось безслѣдно скрыться и дѣло о подлогѣ ассигновки было прекращено за необнаруженіемъ виновника подлога.

Г. А—цкій.

Тамъ, внутри.

РАЗСКАЗЪ.

I.

Только послѣ встрѣчи съ Асовымъ въ лѣсу, Сарра поняла свое состояніе послѣднихъ дней. Въ больномъ мозгу стукнула догадка и яркой краской пробѣжала по мыслямъ. И вдругъ стало весело. Хорошо. Ласково. Задышалось хорошо и вольно.

— Семень Семеновичъ, а вѣдь я васъ полюбила,—съ привычнымъ откровеніемъ радостно шептали губы и ласковой дымкой подернулись влажные глаза.

Его губы кривились болѣзненной улыбкой.

— Полноте, Сарра... вамъ это кажется...—И въ голосѣ жаждалась вѣра и скрытой радостью звенѣли звуки.

Она была высокая, пышная, красивая. Упругая грудь манила къ себѣ. Знойнымъ ароматомъ пахло знойное тѣло. И было обольстительно ласково отъ близости его.

— Вамъ это кажется,—какъ эхо повторяли его губы.

И чувствовалось, что онъ вѣритъ и не вѣритъ ея признанію. Хочетъ вѣрить до боли, до крика, но что-то удерживаетъ его.

Сарра смѣялась.

— Ну, какой же вы, право... Говорю, что люблю васъ. Чего же вамъ еще?..

И въ комнатѣ отъ этихъ словъ становилось жарко. И зноемъ—томительнымъ зноемъ—пылали щеки обоихъ.

— Станный... и робкій...—уже задумчиво говорила Сарра.

А въ окна глядѣла слѣпая зловѣщая ночь...

II.

Асовъ встрѣтилъ Сарру ночью на улицѣ, гдѣ обыкновенно встрѣчаютъ подобныхъ женщинъ,

— Пойдемте ко мнѣ... недалеко... вторая улица...

Голосъ былъ пріятный, грудной. Отъ всей фигуры вѣяло еще неутраченной свѣжестью. Въ глазахъ искрился шаловливый огонекъ.

И онъ пошелъ...

Знойная была эта ночь. Въ объятіяхъ оголенныхъ рукъ этой женщины, Асовъ пробудился отъ своей сонной жизни. И влагою лучились его невидящіе глаза, когда упругое тѣло въ болѣзненномъ желаніи жалось къ нему.

И было бѣшенно, и страшно. И хотѣлось объятій еще и еще...

А когда въ комнатѣ посвѣтлѣло и въ распущенныхъ волосахъ Сарры закупались утреннія тѣни—Асовъ ушелъ домой, чтобы на слѣдующую ночь снова отдаться крутой волнѣ вдругъ разбушевавашагося моря...

III.

... Ночь двигалась большая, неуклюжая. Въ темно-лиловомъ мракѣ серебромъ искрились одинокія звѣздочки. Луна глядѣла въ окна сонная, неяркая. И тихо звенѣла въ комнатѣ тишина.

— Такъ любишь?—и радостью дробился по угламъ его голосъ.

Вмѣсто отвѣта Сарра весело кивала крошечной головкой и счастливо лучилась бездонная глубина ея темно-синихъ глазъ.

А потомъ задумчиво:

— Да... кажется...

И умолкала.

На личико набѣгала черная тѣнь и въ ея неуютныхъ контурахъ чудилась большая тяжелая мысль. Его докучливый вопросъ настойчиво стучался въ мозгъ и оттого голова тяжелѣла и, словно негодный соръ, въ ней валялись обрывки мыслей.

Но проходила минута и снова радостью искрился лучистый взглядъ, и снова губы шептали:

— Да, да... люблю... милый!

И сѣренькая комната со своими причудливыми тѣнями, и большая неуютная ночь, и серебрянныя звѣзды, и бѣлая заспанная луна—все чувствовала это:—да, да... люблю... милый!—и чудилось во всемъ большое яркое счастье, огромное, какъ сама жизнь...

А ночь двигалась большая, неуклюжая. Вся напитавшись мглою и влагою, темно сверкала, разматавшись по воздуху, словно дразня продажнымъ своимъ тѣломъ.

IV.

Весна наступила вдругъ, совѣмъ неожиданно. Въ лучахъ пробудившейся природы заиграла жизнь. Зеленымъ покровомъ зазеленѣла земля. И сладкой влагой пахнулъ по вечерамъ засыпающій воздухъ полей.

— Весна пришла!—звучно вырывался веселый крикъ изъ груди Сарры и въ немъ—въ этомъ крикѣ—слышалась молодая новая жизнь.

— Пришла... пришла, моя радость!

И оба сливались въ тихой гармоніи долгаго, огромнаго молчанія...

И было радостно. Въ сердцахъ звенѣли новыя струны. И весело рокотало въ груди глубокое, какъ бездонное море счастье...

Однажды они пошли въ лѣсъ. Было уже поздно и клочья сѣдого тумана отъ надвигающагося мрака быстро покрыли ихъ своею черной сѣткой. Въ зеленой гущѣ пугливо трепетали трели одинокаго соловья, но дробились, и переливались, и тоскливо гibly въ отдаленіи.

— Хорошо... хорошо здѣсь... Тихо... ласково...—и умолкла.

Слова не сходили съ устъ и лѣнь было говорить дальше.

Сарра сидѣла, прислонившись къ большому толстому дереву. На колѣняхъ лежала большая мохнатая мужская голова. И бархатные пальцы дѣвушки ласково путались въ шелковистыхъ волосахъ.

И оттого было пріятно. И лаской искрился лучистый взглядъ.

Мысль плавала въ бурной рѣкѣ надвинувшейся радости. Думалось о «немъ» и было чувство, точно она переродилась, точно эта дѣвушка не она, точно прежняя Сарра ушла далеко-далеко въ безпросвѣтную и колючую тьму, уступивъ мѣсто другой Саррѣ новой—совсѣмъ новой.

И гдѣ-то тамъ, внутри чувствовалась эта новая Сарра, и въ нѣжно-голубыхъ лучахъ грядущаго гibly уродливые контуры колючаго прошлаго, и лучезарное «завтра» могуче колотилось въ груди, рассыпаясь по тѣлу мелкой дробью. Мозгъ настойчиво работалъ и яркой краской рисовалась новая, хорошая, чистая жизнь...

— Хорошо...—снова тихо прозвенѣло надъ ухомъ Асова. Прозвенѣло и заглохло. Затерялось гдѣ-то тамъ, внутри...

V.

— Сарра!..

Голосъ былъ тяжелый, сдавленный. Мутно ложился въ воздухъ. Молотомъ стучался въ грудь.

И потому стало жутко. И руки снялись съ мохнатой головы.

— Сарра!..

— Что?..

Онъ схватилъ ее крѣпко. Всю схватилъ.

Тоскливо щелкнула кость.

— Пусти...

И вдругъ стало больно. Жаль было своей думы, своей грезы, своей новой, хорошей, чистой Сарры.

А мускулистыя руки сжимали все крѣпче и крѣпче упругое тѣло и понималось, что произойдетъ сейчасъ. И было холодно. И было омерзительно-грязно. И тоскливо щемилось гдѣ-то тамъ, внутри...

— Тамъ, внутри...

И вдругъ стало ясно—ясно до наготы то незнакомое, что подымало изъ груди жуткую муть и уродливо колотилось по мыслямъ. Заработалъ воспаленный мозгъ. И почудилось, что въ головѣ рождается какой-то планъ.

VI.

Когда Асовъ уснулъ, Сарра тихо поднялась съ постели. Въ трепещущемъ лунномъ свѣтѣ натянула на себя платье, и остановилась.

Влажный взглядъ остановился на Асовѣ.

— Прощай...—тихо понеслось къ нему и надолго повисло въ комнатѣ.

И стало до ужаса жаль...

Въ комнату сквозь стекла оконъ глядѣла сонная луна. Въ ея снѣжно-бѣломъ свѣтѣ купались уже далекія утреннія тѣни. И пахло близкимъ разсвѣтомъ.

— Прощай... милый, любимый прощай... Опустилась на край постели, Тяжелая мысль давила на мозгъ. И думалось о томъ, что вотъ она уходитъ навѣки, навсегда и никогда не увидитъ больше этого лица, не услышитъ дорогаго голоса, не почувствуетъ его близости...

И холодомъ—мертвящимъ холодомъ повѣяло на дѣвушку.

— Остаться?..

Вопросъ вырвался вдругъ, бессознательно. Потому что хотѣлось этого до боли...

Но нѣтъ, нѣтъ! Она уйдетъ... уйдетъ, потому что такъ надо, такъ лучше... Уйдетъ обратно, въ прошлое... И ярко, свѣтло будетъ искриться ея первая, чистая любовь... любовь непонятная... любовь, царящая тамъ, внутри..

— Тамъ, внутри...

И потомъ снова тихое болѣзненное:

— Прощай...

VII.

Когда разсѣялся черный мракъ и углы зарисовались причудливыми тѣнями близкаго разсвѣта, Сарры въ комнатѣ уже не было.

Залитая лучами еще не яркаго, заспаннаго утра, она шла обратно въ свое уродливое прошлое и въ ея темно-синихъ глазахъ ярко стояло свѣтлое:

— Тамъ, внутри...

С. Фидельевъ.

Я хочу аромата бѣлаго цвѣта яблони.

(СТИХОТВОРЕНІЕ ВЪ ПРОЗѢ)

А. Дружининой-Гарди.

Я хочу свѣта, много свѣта, хочу ласковыхъ поцѣлуевъ солнца...

Я хочу голубыхъ сумерекъ лѣтняго вечера, когда въ воздухъ замираютъ страстныя отзвучія страстнаго зиждательнаго дня.

Я хочу нѣжнаго шуршанья камышей, которые рассказываютъ по ночамъ удивительныя сказки тѣмъ, кто умѣетъ ихъ слушать...

Я хочу жгучихъ очей и страстныхъ объятій, страстнаго и жгучаго трепета.

Я хочу имѣть чужіе глаза и чужое сердце... глаза и сердце его, котораго я желала-бы быть рабыней.

Сильнаго и мощнаго, непокорнаго, какъ осенній вѣтеръ, свѣтлаго и чистаго, какъ бѣлый цвѣтъ яблони.

Я хотѣла бы забыть весь міръ для того, чтобы всѣ силы души отдать любви.

Любви нѣжной, страстной, безумной, непостоянной, вѣчно мѣняющейся, какъ времена года.

Но все-же любви, потому что безъ нея сыро, какъ въ могилѣ.

Я хочу каскада живыхъ звуковъ, печальныхъ напѣвовъ, недоговоренныхъ словъ, недодуманныхъ думъ.

Я хочу познать и провидѣть и, въ бѣшенной пляскѣ мысли, забыть себя.

Я хочу, хочу огневыхъ взоровъ и нѣжныхъ сладкихъ лобзаній...

Я хочу аромата бѣлаго цвѣта яблони...

ПЕРВЫЙ ДЕБЮТЪ.

РАЗСКАЗЪ.

Въ просторной, ярко освѣщенной залѣ первокласснаго ресторана кружокъ актеровъ и «почитателей» чествовалъ юбиляра, тоже актера Веригина.

Бритый, слегка потрепанной отъ вѣчнаго «намаза» съ матовой кожей лица, на которомъ ярко отпечатлѣвались два большихъ выразительныхъ глаза, окаймленныхъ дугами черныхъ, какъ смоль, бровей, онъ выглядѣлъ гораздо моложе своихъ лѣтъ.

И было странно слышать, какъ кто-то съ высоко поднятымъ бокаломъ въ рукѣ восклицалъ:

— За двадцать пять лѣтъ вашей неустанной...

Да. Это былъ талантъ, самобытный и здоровый; обаяніе его было огромно. Какъ сейчасъ встаетъ предо мной переполненный публикой зрительный залъ большого столичнаго театра. Словно тысячеголовое чудовище, затаившее дыханіе и вотъ-вотъ готовящееся къ прыжку, слѣдитъ она за каждымъ движеніемъ жертвы своего осужденія, ловитъ каждый звукъ. А онъ тамъ, страдающій, любящій, то властный, какъ богъ, то ползающій и безвольный. Ни одного неосторожнаго возгласа, ни шороха. Только изрѣдка чуткое ухо актера уловитъ чьи-то подавленные рыданія и вздохи. Однако, развязка близится къ концу. Еще двѣ—три реплики, и вотъ онъ уже лежитъ, распростертый посрединѣ сцены съ прострѣленной головой. Тутъ же валяется выроненный имъ при паденіи револьверъ. Занавѣсъ медленно опускается. Еще мгновение, и залъ, какъ бы очнувшись отъ тяжелаго кошмара, раздражается бурей аплодисментовъ и восторженныхъ криковъ. Выходитъ на вызовы приходится безъ конца. Цвѣты сыплются, какъ изъ рога изобилія. Проходитъ еще нѣсколько минутъ въ невообразимомъ шумѣ, и затѣмъ постепенно наступаетъ успокоеніе, хотя долго еще среди говора и шуршанія платья вырывалось одинокое «Веригинъ!» А въ это время за кулисами виновато жмутся въ кучѣ бутафорскаго хлама болѣе смѣлые и рѣшительные; ищутъ глазами триумфатора, робко подходятъ къ нему, окружаютъ

тѣснымъ кольцомъ и десятки рукъ тянутся пожать «его» руку.

— Друзья мои! Хотите, расскажу вамъ, каковъ былъ мой первый дебютъ на сценѣ,— обратился юбиляръ къ чествовавшимъ.— Право, презабавная исторія...

Всѣ, кто съ бокаломъ въ рукѣ, кто съ недоѣденнымъ бутербродомъ, обступили Веригина и приготовились слушать.

— Было это въ дни невозвратной юности, на расцвѣтѣ 15-й весны моей жизни. Я и братъ мой, двумя годами старше меня, только что сдали экзамены и приготовились къ каникулярному времяпрепровожденію. И тутъ-то погоня за развлечениями натолкнула насъ на мысль о спектаклѣ. Желаящихъ играть нашлось не мало. Порылись въ книгахъ, отыскали «Домашній театръ». Послѣ тщательнаго изслѣдованія каждой пьесы, остановились на водевилѣ «Безпокойная ночь». Подѣлились ролями и приступили къ зубренію. Въ этомъ занятіи прошло три дня... Въ одно прекрасное утро мы оповѣщаемъ знакомыхъ, что-де сегодня вечеромъ у насъ въ домѣ будетъ спектакль; милости просимъ. Наканунѣ состоялась генеральная репетиція, результатомъ которой было наше глубокое убѣжденіе въ томъ, что спектакль долженъ удался. Къ назначенному часу наша терраса, раздѣленная по этому случаю на двѣ половины занавѣсью, изъ которыхъ одна представляла сцену, а другая—мѣста для публики, стала заполняться приглашенными зрителями. Былъ данъ первый звонокъ. Сердце у меня сильно колотилось. Бросалась въ глаза нервозность другихъ. Однако, трудно было подмѣтить что-либо подобное во мнѣ. Игралъ я купца, и какъ полагалось по роли—видъ у меня былъ самый внушительный; для вящей солидности у меня на груди подъ жилетомъ колыхалась подушка, въ которую во время сна я такъ любилъ зарываться головой. Борода и усы почему-то придали моему лицу звѣрское выраженіе, а ровная и увѣренная походка—какъ нельзя болѣе гармонировала всей фигурѣ. Въ общемъ, до начала спектакля я былъ великолѣпенъ. Но

вотъ слѣдуетъ второй, затѣмъ третій звонокъ, и тотчасъ же одинъ изъ пріятелей начинаетъ оттаскивать занавѣсъ по направлению отъ одной стѣны къ другой. Теперь я стою за кулисами и, насторожившись, жду заключительныхъ словъ одного изъ играющихъ, послѣ которыхъ мой выходъ. «Сейчасъ», вдругъ мелькаетъ въ головѣ мысль. Слышу надъ ухомъ чье-то напоминаніе. Дѣлаю усиліе надъ самимъ собой и шумно влетаю на сцену, залпомъ выпаливаю первыя фразы, все время вертѣвшіяся на языкѣ, и вдругъ, не договоривъ даже до половины своихъ репликъ, умолкаю... Вижу, какъ суфлеръ дѣлаетъ мнѣ отчаянные жесты, и теперь ужъ онъ положительно кричитъ. Но я стою, какъ прикованный, и упорно молчу. Въ сознаніи проносится только одно: «Не могу... не могу...» А тутъ еще подушка стала сползать на колѣни. Наконецъ, я чувствую, какъ чья-то властная рука тянетъ меня сзади за рукавъ; я не выдержалъ и разрыдался. Плачущаго, меня вытолкали за кулисы. Освирѣпѣлые, съ сжатыми кулаками приступили ко мнѣ участники этого скандальнаго спектакля. «Мерзавецъ... Подлецъ...» шипѣли они. «Осрамилъ и себя, и насъ... стыдно будетъ теперь на глаза показываться». А за задернутой занавѣсью слышался шумъ отодвигаемыхъ стульевъ: это расходилась публика. Долго помню потомъ былъ я предметомъ насмѣшекъ.

— Но зато теперь, много, много лѣтъ спустя, когда вы, какъ колоссъ, возвышаетесь надъ всѣми нами, тружениками театра,—перебилъ его одинъ изъ актеровъ,—теперь, когда вашъ талантъ и общественное призваніе дѣютъ знать о себѣ на каждомъ шагу, намъ, присутствующимъ, остается сдѣлать одно: это лишній разъ выпить за ваше здоровье и пожелать вамъ и впредь процвѣтатъ на театральномъ поприщѣ.

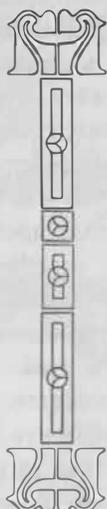
И подъ аплодисменты и громкое «ура» всѣ потянулись къ юбиляру чокаться.

Арнадій Бѣловоленко.

О ж и д а н і е.

Безмолвны! небеса надъ сонною
землею,
Въ свинцовыхъ сумеркахъ таин-
ственная даль,—
Мнѣ грустно, я одинъ—и нѣтъ тебя
со мною,
Чтобъ утолить мою печаль!
Я ждалъ тебя весь день до суме-
рекъ туманныхъ,
Я думалъ, ты придешь, желанная,
ко мнѣ,
О, сколько было-бъ здѣсь и радо-
стей неожиданныхъ,

И знойныхъ ласкъ, и слезъ, и пѣ-
сень въ тишинѣ.
Но день давно угасъ. Въ мой уго-
локъ укромный
Спустились сумерки угаснувшего
дня...
Какъ медленно ползутъ мгновенья
ночи темной
Безъ пѣсень, безъ цвѣтовъ, безъ
ласки, безъ огня...

Алексѣй Грунинъ.

Л И Л Ъ К А.

Разказъ.

Идетъ оперетка Корневильскіе колокола. Театръ полонъ. Роль Серполеты исполняетъ недавна пріѣхавшая сюда Волнецкая. За кулисами тѣсно и суетно. Бѣгають плотники, рабочіе, приготавливая декорацію къ 3-му акту. Режиссеръ о чемъ то горячо спорить съ сценаріусомъ. Маленькая плохенькая уборная провинціального театра. Волнецкая уже готовая къ выходу стоитъ, окруженная своими поклонниками. Шумъ, гамъ, въ общемъ разговоръ ничего нельзя разобрать. Волнецкая на всѣ слова заразительно смѣется, показывая очаровательныя ямочки на щекахъ. Сегодня она особенно весело настроена.

Во-первыхъ сознаніе, что она сегодня такъ хороша, во-вторыхъ, что первый левъ города Н. обратилъ на нее свое благосклонное вниманіе, тогда какъ раньше ухаживалъ за примадонной Ларовой. Теперь онъ стоитъ около нея и поминутно цѣлуетъ ей руки и говоритъ любезности; бѣдная Ларова это отлично знаетъ, потому очень разстроена и играетъ плохо, что тоже содѣйствуетъ успѣху Волнецкой.

Отъ успѣха у нея кружится гѣлова, она говоритъ о чемъ-то скоро, скоро и смѣется своимъ мелодичнымъ смѣхомъ.

„Раиса Павловна. послѣ спектакля ужинать непременно“, говорятъ наперерывъ нѣсколько сразу.—„Надѣюсь, не откажитесь, мягко вставляетъ левъ, цѣлуя выше кисти обнаженную руку Волнецкой“.—Я такъ буду счастливъ,—добавляетъ онъ снова и черные глаза его смотрятъ въ упоръ въ ея блестящія глазки.

Волнецкая улыбаясь даетъ согласіе; ей такъ льститъ присутствіе этого человѣка здѣсь въ ея уборной, а потомъ... у него такіе жгучіе глаза.

— Господа, сегодня будетъ кутежъ, настоящій кутежъ,—восклицаетъ высокій видный присяжный повѣренный, одинъ изъ постоян-

ной компаніи, посѣщающей кулисы, ухаживающей за артистками, кутящей и подносящей цвѣты и подарки.

— У насъ заказанъ кабинетъ, а потомъ тройки. Для компаніи прихватимъ Ларову и Сомина,—добавляетъ безусый юноша, съ блѣднымъ болѣзненнымъ цвѣтомъ лица.

„А Ларова сегодня не въ духъ,—добавляетъ толстенькій докторъ. Понятно! Еще бы!“—смѣется присяжный повѣренный. На губахъ Волнецкой самодовольная улыбка. Бѣдная Ларова! Въ уборную всовывается режиссеръ.

— Господа, прошу васъ на мѣста, сейчасъ начинаемъ, умоляетъ онъ,—вашъ выходъ, кидаетъ онъ Волнецкой и скрывается. Присутствующіе не обращаютъ вниманія, продолжая болтать съ Раисой Павловной.

„Въ самомъ дѣлѣ пора по мѣстамъ,—выпроваживаетъ ихъ Волнецкая. Ей неохотно повинуются.

Скоро Волнецкая остается одна изъ своей уборной, она подходитъ къ зеркалу и привычнымъ жестомъ красивой бѣлой руки поправляетъ выбившіяся локоны. Какая она сегодня красивая! Глаза блестятъ и прическа удалась какъ нельзя лучше, эти беспорядочные локоны такъ идутъ къ ней! Она чувствуетъ, что сегодня неотразима. Ей кажется, что сегодня, именно сегодня должно произойти что то хорошее, интересное; у нея сладко замираетъ сердце отъ ожиданія.

О эти глаза!.. эти страстные волнующіе взгляды!..

Въ ожиданіи выхода Волнецкая погружается въ свои мечты, въ свѣтлыя дивныя грезы. Легкое прикосновеніе къ рукѣ выводитъ ее изъ оцѣпенѣнія: передъ ней маленькое существо. Сначала Волнецкая недоумѣвается.—Да вѣдь это „Лилька“—вдругъ вспоминаетъ она. Она наклоняется къ дочери и цѣлуетъ ея спутанные волосики.

„Зачѣмъ ты здѣсь, Лилька?“ Большіе дѣтскіе глаза смотрятъ на нее съ удивле-

ніемъ. „Какой глупый вопросъ“ спохватывается Волнецкая, „неужели она забыла!“

Вчера Лилькина нянька заболѣла и сегодня утромъ ее свезли въ больницу. Лильку не съ кѣмъ было оставить дома и она взяла ее съ собой. Тутъ Волнецкая вспоминаетъ, что обѣщалась ѣхать ужинать, а какъ же Лилька? Какъ она не подумала объ этомъ раньше. Волнецкая съ досадой смотритъ на эту помѣху, ей хочется плакать отъ обиды.

„Неужели отказаться? Не ѣхать, когда именно сегодня ей такъ хочется, когда именно сегодня онъ такъ нѣженъ къ ней. Она хорошо знаетъ, что если не поѣдетъ сегодня, онъ для нея будетъ потерянъ. Уступить Ларовой—никогда!..“

Волнецкая смотритъ въ уголокъ, гдѣ копошится Лилька.

„Волнецкая, вамъ выходить“,—стучать въ дверь уборной. Раиса Павловна поспѣшно пудритъ лицо, торопливо осматриваетъ себя въ зеркало и идетъ къ двери.

„Придется отказаться“—досадливо восклицаетъ она и выходитъ изъ уборной.

Лилька остается одна. Она подходитъ къ зеркалу и тянется къ коробкамъ, стоящимъ на туалетѣ. Добравшись до пудры она, копируя мать, густымъ слоємъ покрываетъ себѣ ею лицо, подъ руки ей попался карандашъ для бровей, она рисуетъ имъ себѣ усы. Теперь она совсѣмъ похожа на того дядю, который сейчасъ цѣловалъ мамины руки. Полюбовавшись на свои усы, растушіе изо рта, Лилька отходитъ отъ зеркала. Ей скучно и главное хочется спать, а здѣсь нѣтъ ея кушетки, на которой она спитъ дома, нѣтъ подушки и надо ждать маму. На стульяхъ разбросаны костюмы Волнецкой. Тутъ и коротенькая юбочка Перикола, костюмъ пажа, и даже цыганскій бубенъ. Онъ сначала заинтересовываетъ Лильку, она беретъ его въ руки и начинаетъ кружиться по комнатѣ, она видитъ, какъ танцуетъ мама и старается подражать ей, высоко поднимая

маленькія ножки. Но этимъ сонъ не разгоняется, движенія дѣлаются все медленнѣе, слабѣе. Лилька хочетъ спать. Какъ на зло, ни одного мягкаго кресла. Въ углу стоитъ корзина, куда мама складываетъ вещи. Лилька рѣшаетъ устроить себѣ кровать до прихода мамы. Юбочки и корсажи она стелетъ на корзину. Только свѣтъ лампы мѣшаетъ ей, но Лилька, хотя ей шесть лѣтъ, сообразительна, она ставитъ передъ корзиной стулъ и покрываетъ его большой красной тальмой. Потомъ свертывается въ клубочекъ и моментально засыпаетъ.

Громкіе аплодисменты, крики bravo, bravo потрясаютъ театр. Настойчиво неоднократно вызываютъ Волнецкую. Она торжествуетъ. Успѣхъ опьянилъ ее, она возбуждена до послѣдней степени, около уборной ей снова устраиваютъ овацію ея поклонники. Раиса Павловна быстро переодѣвается и выходитъ къ нимъ. „Ѣдемъ, Ѣдемъ“,—раздаются восторженные голоса.

„Царица, богиня“,—воскликаетъ юноша. Волнецкая ничего не сознаетъ, она слишкомъ счастлива. Она силится что-то припомнить, сказать что-то, но не можетъ... Къ ней подходитъ онъ, она старается избѣгать его настойчивыхъ взглядовъ, но не можетъ, глаза встрѣчаются съ его и... она теряетъ голову. Черезъ нѣсколько минутъ она уже въ экипажѣ рядомъ съ нимъ, они мчатся куда-то. онъ поддерживаетъ ее за талию и что-то шепчетъ ей, наклонясь все ближе и ближе.

Въ театрѣ мало по малу все стихаетъ, сначала слышенъ стукъ убираемой декораціи, громкіе ругающіеся голоса, потомъ все тише и тише.

Въ уборную Волнецкой входитъ какой-то человекъ, онъ гаситъ лампу и уходитъ, запирая за собой дверь. Въ комнатѣ темно, только черезъ маленькое окошко пробивается слабый свѣтъ отъ уличнаго фонаря. Тишина прерывается лишь изрѣдка хлопаньемъ доски, оторвавшейся отъ полусгнившаго забора, лаемъ собакъ да сильными порывами вѣтра, отъ котораго дребезжитъ маленькое оконце. Гдѣ-то скребетъ мышь и звуки слабо разносятся и замираютъ въ опустѣвшемъ театрѣ. Отъ неловкаго положенія у Лильки затекаетъ рука. Лилька начинаетъ возиться и просыпается. Долго она не можетъ ничего сообразить. Гдѣ она? Это не ея кушетка, а какая-то неудобная корзинка, отъ которой у нея болятъ бока. Ахъ да, вспоминаетъ Лилька,—она заснула, дожидаясь мамы. Она встаетъ и отодвигаетъ стулъ. Но отчего такъ темно? Кто это погасилъ лампу и отчего не идетъ мама? Она прислушивается. Тихо! Что же это такое? Лилька хорошо помнитъ, что въ театрѣ никогда не бываетъ такъ тихо: всегда поютъ и играетъ музыка. Она не труслива, но гробовая тишина дѣйствуетъ на нее. Порывъ вѣтра ударяетъ въ окошко. Лилька вздрагиваетъ, холодный потъ выступаетъ у нея на лбу, глаза расширяются. Она бѣжитъ къ двери. Дверь заперта. Лилька кричитъ, зо-

ветъ въ ужасѣ мать и колотитъ маленькими рученками въ дверь. Безумный страхъ охватываетъ ее, она кричитъ до хрипоты и плачетъ, плачетъ горькими слезами обиженнаго ребенка. Маленькая фигурка содрогается отъ рыданій. Слезы льются по поблѣднѣвшимъ щечкамъ. Бѣдная, маленькая забытая Лилька

— Еще шампанскаго! Живѣ! Присяжный повѣренный наклоняется къ Волнецкой такъ близко, что пушистые усы его касаются ея щеки. „Спойте, Раиса Павловна, пожалуйста спойте“!

Волнецкая поетъ романсъ, который такъ хорошо у нея выходитъ. Еще и еще поетъ Волнецкая и не отрываясь смотритъ въ жгучіе черные глаза. „Ночи безумныя“,—звенитъ голосъ Волнецкой, „ночи безумныя, ночи проклятыя, голосъ дрожитъ и вибрируетъ.“

Жалобно плачетъ маленькая Лилька, беспомощно стоитъ она посреди уборной, забытая, покинутая, ненужная никому. Слезы текутъ изъ ея глазъ, размазываются по лицу вмѣстѣ съ нарисованными усами и грязными каплями скатываются на подбородокъ. „Мамочка, мамочка! — всхлипываетъ Лилька, возьми меня, мнѣ страшно, мнѣ холодно!“

„Ночи безумныя, ночи безсонныя, — поетъ Волнецкая и голосъ ея то замираетъ, то съ новой силой, съ новой страстью переливается, дрожитъ и вибрируетъ.“

Л. Михайлова.

„ХРИЗАНТЕМЫ“.

Зоя чутко прислушивалась къ каждому звонку и вздрагивала, когда слышала стукъ хлопавшей входной двери. Она ждала его. Всю эту недѣлю она жила, какъ въ чадѣ, жила приподнятыми нервами. Съ тѣхъ поръ, какъ пріѣхалъ онъ, вся прежняя жизнь Зои какъ-то сама собой измѣнилась. Зоя перестала ходить на курсы, и по вечерамъ съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ ждала его. Когда онъ приходилъ, она выбѣгала къ нему такая прекрасная, оживленная, уже одѣтая въ шубку и шапочку.

Они любили другъ друга. Каждый вечеръ они выходили изъ дома, гдѣ жила Зоя. У подъѣзда поджидалъ ихъ рысакъ съ электрическими фонарями на оглобляхъ. Зоя любила быструю ѣзду, и они мчались, мчались... Морозъ румянилъ имъ щеки; глаза ихъ разгорались, они были оба такъ прекрасны и такъ достойны другъ друга. Они катались по островамъ, ѣздили на Стрѣлку. Когда имъ дѣлалось холодно, они заѣзжали въ ресторанъ и грѣлись тамъ, а потомъ снова долго, долго катались.

Однажды Зоя нѣжно попросила его: „Милый, подари мнѣ цвѣтовъ, побольше цвѣтовъ; я такъ люблю хризантемы.“

Они заѣхали въ цвѣточный магазинъ. Тамъ они выбирали цвѣты, и Зоя съ особенной нѣжностью прижимала къ груди букетъ бѣлыхъ хризантемъ.

Онъ, какъ всегда, пошелъ провожать ее по лѣстницѣ до ея квартиры.

Зоя была ослѣпительно прекрасна; лицо ея горѣло отъ мороза и отъ жгучихъ поцѣлуевъ. Онъ цѣловалъ ее безумно, точно въ послѣдній разъ, и нѣсколько разъ повторялъ: «Какъ ты прекрасна и какъ идутъ къ тебѣ бѣлыя хризантемы».

Она стояла съ цвѣтами въ рукахъ, прекрасная, обаятельная, сильная красотой и молодостью.

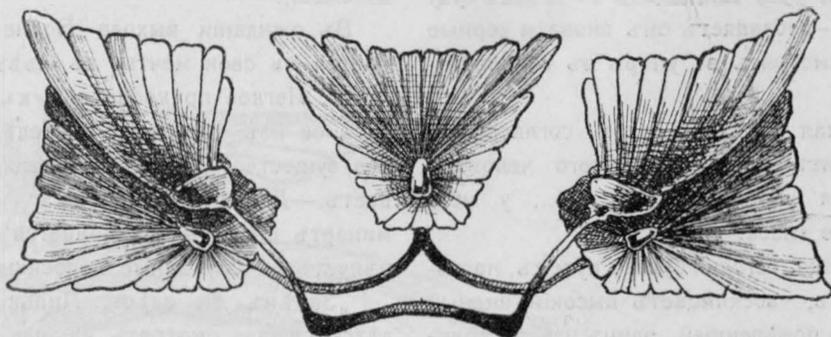
На утро Зоя была въ жару, поѣздки въ такой морозъ сломили ее. Онъ пришелъ

въ безграничное отчаяніе, когда узналъ о болѣзни Зои, онъ упрекалъ себя, винилъ себя во всемъ. Зоя лежала въ кровати, внутреннимъ жаромъ горѣла она вся и ея пересохшія губы шептали: «Побольше цвѣтовъ, я такъ люблю хризантемы».

Около кровати лежали хризантемы, цвѣты смерти, ихъ поникшія головки съ грустью и болью глядѣли на Зою. Они понимали ее, сочувствовали ей, у нихъ съ ней была общая судьба.

Зоя умерла. Ея ранняя смерть вызвала у многихъ слезы сожалѣнія, но никто не зналъ настоящей причины ея смерти. Это знали лишь одни пышныя бѣлыя хризантемы.

Л. М.

РОСМЕРСХОЛЬМЪ.

Поставленный Московскимъ художественнымъ театромъ въ 1-й абонементъ «Росмерсхольмъ» прошелъ при абсолютной тишинѣ, той зловѣщей тишинѣ, когда не знаешь, что думаетъ толпа: ушла-ли она въ себя, или это демонстративное презрѣніе къ непонятому творенію.

«Росмерсхольмъ» требуетъ къ себѣ острога, орлиного, напряженнаго вниманія.

«Росмерсхольмъ» нужно толпѣ смотрѣть нѣсколько разъ, отрѣшившись отъ всего сѣренькаго, обыденнаго въ жизни, и только тогда поймутъ, какіе образы далъ Ибсенъ и какъ воспроизвели эти удивительные по своей психо-физической конструкціи типы такіе истинные жрецы чистаго искусства, какъ г. Качаловъ и г-жа Книпперъ.

При каждомъ входѣ на сцену г. Качалова чувствовалось, какъ вмѣстѣ съ нимъ вносится атмосфера, особая атмосфера пасторскаго дома.

Я видѣлъ пастора Росмера, а г. Качаловъ въ это время не жилъ; я положительно заявляю, что г. Качаловъ великій актеръ.

Ребекка—эта дивная женщина—въ исполненіи г-жи Книпперъ была живымъ лицомъ. Все, что творилось въ душѣ Ребекки, отражалось на лицѣ г-жи Книпперъ съ удивительною отчетливостью и тонкостью.

Г. Лужскій не вполне удовлетворительный ректоръ, мѣстами переигрывалъ, былъ неестествененъ и впадалъ въ ненужный пафосъ.

Г. Вишневскій только въ четвертомъ актѣ былъ очень хорошъ.

Г. Леонидовъ походилъ не на редактора, а на какого-то разслабленнаго, подавленнаго, но ехиднаго чинушу.

Г-жа Муратова дала почти вѣрный типъ экономки.

Какъ заключительный аккордъ настоящей замѣтки, можно сказать спасибо режиссеру Вл. И. Немировичу-Данченко за постановку, равно и художнику В. Е. Егорову.

Владимиръ Блохинъ.

Докторъ Штокманъ, Ибсена.

„Великъ Аллахъ и величайшій пророкъ его Магометъ“. Перефразировать этотъ основной символъ ислама въ примѣненіи къ предмету настоящей замѣтки можно такимъ образомъ: „Великъ Ибсенъ и великъ его толкователь, Московскій Художественный Театръ“. „Росмерсхольма“ въ постановкѣ „художественниковъ“ я не видѣлъ. Но я такъ полагаю, что къ различнымъ толкамъ о неудачѣ и чуть ли не провалѣ пьесы надо относиться весьма сдержанно. Что же касается „Штокмана“, то можно смѣло сказать, что первое представленіе этой пьесы было праздникомъ искусства въ истинномъ значеніи слова.

Говорить о достоинствахъ самой пьесы, конечно, излишне. Объ этомъ уже такъ много писали. Можно лишь сказать, что болѣе совершеннаго и законченнаго сценическаго шедевра міровая литература не знаетъ. По глубинѣ замысла и высшаго социологическаго интереса, по ясности великой морали, выведенной гениальнымъ художникомъ изъ, въ сущности, ничтожнаго и не новаго факта гоненія толпы на одного человѣка, ищущаго правды—эта пьеса принадлежитъ къ разряду безсмертныхъ произведеній искусства. Исканіе правды и хула людская, достающіяся на долю исключительныхъ личностей, ищущихъ ее—этотототъ вѣчный импульсъ, которорый умретъ вмѣстѣ съ послѣднимъ существомъ вселенной. Такъ что, сколько міръ будетъ существовать, это исканіе, запечатлѣнное въ нетлѣнныхъ образахъ великихъ произведеній искусства, вѣчно вызоветъ живой интересъ человѣческой массы. Такія произведенія вѣчно юны. Въ данномъ случаѣ произведенія Ибсена, какъ „Брандъ“ и „Штокманъ“ стоятъ на особомъ счету, что я не могу сказать, напри- мѣръ, про „Нору“, мораль которой о признаніи за женщиной правъ личности и т. д. имѣла интересъ новизны лишь въ свое время.

Цѣнность произведеній а la „Нора“ переходяща, а „Брандъ“, „Докторъ Штокманъ“ и имъ подобныя вещи—вѣчны, ихъ цѣнность незыблема.

Въ чемъ же достоинство Московскаго Художественнаго Театра въ постановкѣ „Доктора Штокмана“?

Я позволю себѣ сказать, въ противовѣсъ утвержденіямъ многихъ критиковъ, будто обстановка поглотила актера у „художественниковъ“, что „Докторъ Штокманъ“ доказалъ полную несостоятельность такихъ утверждений. Болѣе крайняго реализма, чѣмъ тотъ, до котораго дошелъ Ибсенъ въ „Штокманѣ“, представить себѣ невозможно. Въ этомъ отношеніи вся обстановка пьесы и толкованіе рояей достигли у „художественниковъ“ высшаго совершенства. И заслуга ихъ въ данномъ случаѣ состоитъ именно въ томъ, что, доведя обстановку до высшей точки натурализма, актерскому творчеству все таки данъ широкій просторъ. Если мнѣ кто скажетъ, что Станиславскій въ роли Штокмана не показалъ массу темперамента и бездну актерской техники, согрѣтой истиннымъ подъемомъ и огнемъ артистическаго „нутра“, тому я скажу, что онъ пристрастенъ или онъ лишень художественнаго чутья. Я еще слышалъ такое мнѣніе, будто въ толкованіи и постановкѣ художественниками „Доктора Штокмана“ пропадаетъ весь сѣверный колоритъ, составляющій какъ-бы отличительную черту Ибсеновскаго творчества. На это можно лишь отвѣтить, что въ такой общечеловѣческой пьесѣ, какова „Докторъ Штокманъ“, устраненіе въ степени не мѣшающей художест. правдѣ специфически національнаго, расоваго, является скорѣе заслугой, чѣмъ недостаткомъ. Конечно, нуженъ фонъ, общая конструкція, соотвѣтствующая замысламъ автора, но отъ того, что Штокманъ будетъ въ нѣкоторыхъ деталяхъ менѣе норвежець, чѣмъ французъ, или англичанинъ, отъ этого міровое значеніе пьесы нисколько не пострадаетъ.

Какъ я уже сказалъ, Станиславскій въ роли Штокмана былъ на высотѣ своей задачи. Особенно удалась ему второй и четвертый акты. Сцена объясненія во второмъ актѣ съ братомъ бургомистромъ была проведена съ такимъ нервнымъ подъемомъ, что вся публика буквально была наэлектризована. Несмотря на просьбу дирекціи не

аплодировать, публика не удержалась и еще до спуска занавѣса усиленно аплодировала. Сама фигура доктора-идеалиста, по моему, до того вѣрно схвачена, что добавить что либо нѣтъ возможности. Въ четвертомъ дѣйствіи Станиславскій былъ еще лучше. Вообще вся массовая сцена, эта разношерстность публики, пришедшей послушать лекцію Штокмана, эти костюмы, эти позы и лица, все говорить о такой массѣ затраченнаго труда, энергіи и изобрѣтательности, что поневолѣ поражаешься. Но во всей массѣ несмотря на то, что тамъ участвуютъ почти всѣ персонажи — центральной фигурой является Штокманъ, и Станиславскій въ этой сценѣ былъ прямо-таки неподобенъ. Его рѣчь, которую онъ произноситъ не стоя все время у пюпитра, а въ какихъ-то беспорядочныхъ движеніяхъ по направленію то къ одной, то къ другой группѣ слушателей — такъ импонируетъ общему толкованію роли и рѣчь сама, наконецъ, проникнута такимъ искреннимъ тономъ, что все это прямо таки захватываетъ зрителя.

Недурень былъ въ роли бургомистра г. Лужскій. Хотя игру артиста нельзя назвать согрѣтой огнемъ увлеченія. Вѣдь эту самую низменную, буржуазную мораль, которую словомъ и дѣломъ онъ ставилъ преградой всѣмъ начинаніямъ своего брата — идеалиста можно было проявить съ большей экспрессіей и художественной непосредственностію. Вѣдь онъ въ правильности и непреложности своего міросозерцанія не менѣе убѣжденъ, чѣмъ Штокманъ въ своемъ. Почему же такая сухость и холодъ въ рѣчи и позѣ? Типичнымъ редакторомъ изъ рыцарей ордена: „что угодно“ былъ г. Вишневскій. Артистъ не переигрывалъ. Хороши были г-жа Раевская и Барановская въ роляхъ дочери и жены Штокмана и на своемъ мѣстѣ были г.г. Прибунинъ-Аслаксэнъ, Горпоръ-Массалитиновъ, Кооненъ и Ольчева — сыновья Штокмана и г-нъ Москвинъ — Киль. Вообще, когда видишь эту рѣдкую сыгранность, эту стройность ансамбля, не представляешь даже себѣ, чтобы кто-нибудь изъ исполнителей могъ быть плохъ въ своей роли. Вы ясно видите, по общему ходу пьесы, по той безднѣ затраченнаго труда на репетировку и всевозможныя детали, что тутъ немыслимо, чтобы кто-либо изъ участвующихъ произнесъ фразу въ ненадлежащемъ тонѣ, чтобы какое-либо его движеніе не соответствовало общему ансамблю и т. д. Такъ что упрека, въ общемъ, рѣдко кто заслуживаетъ.

Въ заключеніе можно сказать еще вотъ что.

Когда сидишь и наблюдаешь это общее признаніе силы и могущества таланта, когда видишь, что cadaго зрителя заставляетъ что-то внутреннее, неуловимое сидѣть и благоговѣнно слушать, думаешь себѣ: „вотъ оно, настоящее-то искусство! Вотъ онъ, пропагандистъ и глашатай великихъ истинъ; сцена ему названіе!“ Представляю себѣ, что было бы, если-бы мы имѣли нѣсколько та-

кихъ Московскихъ художественныхъ театровъ. Какой это былъ-бы могучій рычагъ для культурнаго воспитанія массъ. Но судьба къ намъ не милостива. Она не балуетъ насъ обиліемъ такихъ истинно-культурныхъ учреждений.

Ц. Гроссъ.

Гастроли бр. Адельгеймъ. Рафаиль Адельгеймъ въ свой бенефисъ поставилъ извѣстную драму Шпажинскаго «Кручина».

Недыхляевъ въ исполненіи бенефицианта не оставляетъ желать ничего лучшаго, если принять во вниманіе всю тяжесть и отвѣтственность этой роли, гдѣ низкія страсти сложно сплетаются съ лучшимъ чувствомъ — любовью и укорами сознательной совѣсти.

Центральное лицо пьесы Недыхляевъ все время жилъ на сценѣ Недыхляевымъ. Долгіе, искренніе и бурные аплодисменты были наградой бенефицианту.

Ревякинъ (г. Черновъ) и сестра Недыхляева (г-жа Дурново) заставили публику посмѣяться отъ души.

Г-жа Черновская роль жены Недыхляева провела вполне жизненно и правдиво.

Заключительнымъ аккордомъ спектакля было чтеніе Робертомъ Адельгеймомъ стихотворенія Никитина «Хозяинъ».

Публика съ острымъ вниманіемъ слушала чтеца и иногда прорывались сдавленныя рыданія.

Конечно, театръ былъ переполненъ.

В. Сонинъ.

Новый театръ. Т-во театра Литературно-Художественнаго Общества.

Къ сожалѣнію, журналъ нашъ не имѣлъ возможности высказаться о новомъ произведеніи г. Протопопова „Власть плоти“ послѣ первыхъ представленій этой пьесы. Пробѣлъ этотъ мы пополняемъ лишь теперь, послѣ 11-го представленія. Но мы такъ рассчитываемъ, что наши читатели отъ этого ничего не потеряли, такъ какъ пьеса г. Протопопова принадлежитъ къ разряду тѣхъ произведеній, о которыхъ ничего не сказать было бы лучшей оцѣнкой ея литературныхъ и сценическихъ достоинствъ.

Что вообще хотѣлъ сказать г. Протопоповъ своимъ новымъ произведеніемъ? Этотъ вопросъ такъ и не выходилъ изъ моей головы въ продолженіе трехъ часовъ, пока я смотрѣлъ пьесу. Вопросъ, по моему, умѣстенъ и вполне логиченъ по слѣдующему соображенію.

Я знаю многихъ писателей, скорѣе пишущихъ — это названіе болѣе подходитъ къ этой категоріи — которые, будучи лишены яркаго дарованія, все таки обладаютъ несомнѣннымъ литературнымъ вкусомъ. И этотъ литературный вкусъ — ихъ бичъ, мучитель въ истинномъ значеніи слова. Ибо нѣтъ мукъ болѣе тягостныхъ, болѣе терзающихъ душу, какъ постоянная самокритика. Вы хотите писать, у васъ въ головѣ всѣ контуры, вся конструкція задуманнаго произведенія, но, взявшись за перо, яркость образа куда-то исчезла. Вышедшія изъ подъ вашего пера строки блѣдны, вымучены и

вовсе не соответствуютъ тому, что вы задумали, что вамъ мерещилось, о чемъ вы мечтали. Такой писатель, или какъ я сказалъ „пишущій“ — мученикъ въ буквальномъ смыслѣ слова. Если онъ не голодаетъ, то даже имѣвъ терпѣные закончить такое произведеніе, онъ его въ послѣдній разъ прочтетъ, вздохнетъ и броситъ куда-то подальше, чтобы глаза его не видѣли. Если же онъ нищій — онъ пуститъ его на рынокъ, но рынокъ его забракуетъ.

Г-на Протопопова я считаю человѣкомъ съ литературнымъ вкусомъ и знаю, что онъ — не нищій. Такъ вотъ прочитаю, скажемъ, въ послѣдній разъ свою пьесу, неужели онъ не убѣдился въ томъ, что она фальшива, ходульна и вымучена отъ первой до послѣдней строки? Неужели онъ не зналъ, что исторія семейной драмы въ домѣ чиновника Болтина — это жвачка, которая пріѣлась еще десять лѣтъ тому назадъ? Неужели онъ не понималъ, что секретарь Болтина Ивановъ это — Наблочкинъ во второмъ, и при томъ очень скверномъ, изданіи, что этотъ Джекъ-Потрошитель падкихъ на мелкій развратецъ слабыхъ созданій, этотъ альфонсъ и сердцеѣдъ — какъ барынь такъ и ихъ горничныхъ — въ сущности старая шарманочная, даже поварамъ надоѣвшая мелодія? Я хотѣлъ бы знать: куда дѣвался вкусъ у людей? Сколько еще можно варьировать этотъ пошлый и надоѣвшій возвратъ порочной жены въ домашнія пенаты, ея мольбы о прощеніи и наконецъ полученіе его отъ великодушнаго рогоносца-мужа и т. д. Настанетъ-ли конецъ этой пошлятинѣ, или ей конца не будетъ? Еще удивляются, что теперь ищутъ новаго и, что эти исканія завели многихъ въ иную, будто-бы, новую, но, въ сущности, такую же трясиину бездарности и безвкусія. Нечего удивляться. Видя такую пустоту и бездарность среди именуемыхъ себя будто бы представителями старой школы, поневолѣ станешь искать новыхъ путей. А куда эти новые пути ведутъ, это уже другой вопросъ.

Мнѣ отъ души жалко было такихъ талантливыхъ артистовъ, какъ г-жа Холмская, г-нъ Михайловъ, Порчинская и др. Люди съ художественнымъ чутьемъ, они чувствуютъ фальшь всѣхъ сценическихъ положеній пьесы. Давно вѣдь извѣстно, что артистъ можетъ воодушевляться, войти въ роль, покорить слушателя силой своего артистическаго темперамента лишь тамъ, гдѣ самъ писатель вложилъ эти элементы своей художественной природы. Но разъ въ произведеніи нѣтъ и намека на подъемъ, на искреннее увлеченіе, что же могутъ тутъ сдѣлать артисты? Всѣ они „старались“ въ описуемый вечеръ. Но изъ этого старанья ничего не вышло. Отъ ихъ игры вѣяло страшной искусственностью и холодомъ. Г-жа Порчинская болѣе другихъ была на своемъ мѣстѣ въ роли свѣтской дамочки Камской. Роль, въ общемъ, ничтожная и очерчена въ рамкахъ установленнаго шаблона. Былъ бы очень хорошъ, какъ я сказалъ уже, г. Ми-

хайловъ, если бы онъ не чувствовалъ каждую минуту, что и пьеса не нужна и онъ не нуженъ, какъ не нуженъ его герой Болтинъ. Старательно изображалъ секретаря-альфонса г. Ивановъ. Личико, усы и ужимки вполне импонировали типу. Но тонъ у артиста мѣстами былъ невѣрный. Когда его начальникъ Болтинъ говорилъ ему о своемъ недовольствѣ имъ, какъ подчиненнымъ, его отвѣтъ былъ слишкомъ рѣзокъ и неестественъ. Даже когда имѣютъ опору въ лицѣ любовницы, жены начальника, съ послѣднимъ все-таки такъ не говорятъ. Роль проститутки Лели играла г. Николаева. Надо сказать, что на этотъ персонажъ драматургъ г. Протопоповъ, видно, возлагалъ большія надежды. Отомстить пришедшей впервые съ повинной порочной женѣ завтракомъ съ уличной феей въ своей столовой—въ этомъ г. Протопоповъ, повидимому, узрѣлъ верхъ оригинальности и послѣднее слово авторской изобрѣтательности. Но, въ общемъ, какъ это мелко и ничтожно не только для комедіи нравовъ, но даже для злободневнаго разсказа г. Брешко-Брешковскаго. Г-жа Николаева, какъ видно, новичекъ на сценѣ. Роль она провела неровно и терялась все время. Изъ роли Болтиной г-жа Холмская сдѣлала все, что было въ ея силахъ. Недурень былъ Перскій г. Хворостовъ.

Въ заключеніе шла шутка г. Роберто Бракко, „Незрѣлый плодъ“, которая была довольно бойко разыграна г-жей Трояновой, г.г. Чубинскимъ, Левандовскимъ и какимъ то артистомъ безъ фамиліи, замѣнившимъ г-на Глаголина. Публики было довольно много.

Ц. Гроссъ.

Первое представленіе новой пьесы А. А. Плещеева «Съ налету».

Та же исторія объ оскудѣніи дворянства, о раззореніи старыхъ гнѣздъ дворянскаго засилья, если не волной новой могучей стихіи, то по милости дворянской безопасности, лѣни и сибаритства. Тема одна изъ тѣхъ, которую тоже пора было бы уже предоставить провинціальнымъ Геростратамъ, одержимымъ зудомъ писательства. Пускай мараютъ бумагу и заваливаютъ управление по дѣламъ печати толстыми тетрадами отечественной драматургіи. А насъ, обывателей столицъ, людей, такъ или иначе, съ развитымъ вкусомъ, увольте, ради Бога, избавьте отъ этой рухляди. Просто тошнить порою!

Я бы хотѣлъ спросить гг. драматурговъ, а la Плещеевъ и ему подобныхъ, какъ они смотрятъ на свои произведенія. Неужели они до того ослѣплены и лишены вкуса, что полагаютъ, будто такія пьесы, какъ «Съ налету», могутъ что-нибудь дать отечественной литературѣ и сценѣ? Я этого не допускаю. Въ такомъ случаѣ, зачѣмъ же они пишутъ и ставятъ такія вещи? Ради наживы? Но тутъ не пахнетъ не только тысячнымъ, но даже сотеннымъ кушемъ. Такія пьесы, лишеныя, вмѣстѣ съ литературными сценическими достоинствами, и интереса сенсаціи (а la Шерлокъ-Хольмсъ

или хотя-бы тѣ же «Черные Вороны»), не общаются ровно никакого матеріальнаго успѣха. Зачѣмъ же въ такомъ случаѣ копя ломать? Скажутъ, что безъ новинокъ пропадетъ интересъ къ театру. Но этотъ интересъ публики къ драмѣ еще больше остываетъ, если сцену стануть загромождать никому ненужной дребеденю.

Еще скажутъ, что общественная наша жизнь опять замерла; что опять настала какая-то духовная спячка, при которой жизнь не выдвигаетъ ничего яркаго, что могло бы служить матеріаломъ для творчества нашихъ писателей. И въ этомъ-де кроется причина упадка сценическихъ и литературныхъ достоинствъ послѣднихъ произведеній нашихъ присяжныхъ драматурговъ. По-моему, это пустая оговорка. Идеи и, вообще, бурные подъемы общественной волны не рождаются каждый день, каждый годъ и даже не каждое десятилетіе. Такъ что, если ставить появленіе талантливыхъ произведеній литературы и искусства въ зависимость отъ переживаній массовой психологіи, то у насъ не было бы ни одной талантливой книги, ни одной талантливой пьесы. Какъ для войны нужны деньги, деньги и еще разъ деньги, точно такъ же для творчества въ области сцены и изящной словесности нуженъ талантъ, талантъ и еще разъ талантъ. Талантъ возьметъ старую идею, но облечетъ ее въ такую совершенную форму, что зритель или читатель поневолѣ будетъ покоренъ. Наконецъ, талантъ даже въ окружающей насъ сѣренькой жизни найдетъ такое скрытое отъ всѣхъ глубокое содержаніе, такіе перлы никѣмъ еще не высказанныхъ идей и истинъ, что и этимъ онъ покоритъ миллионную толпу.

Г-нъ Плещеевъ хотѣлъ намъ рассказать на этотъ разъ на протяженіи цѣлыхъ 4-хъ актовъ, какъ въ числѣ прочихъ губительныхъ привычекъ, приведшихъ наше дворянство къ раззоренію, убійственна также страсть къ бывшимъ кафешантанымъ пѣвицамъ, вмѣсто законныхъ женъ. Мораль, какъ видите, вполне удобопереваримая, понятная даже портнихамъ изъ-за Нарвской заставы. Вообще, эту связь вырождающагося дворянства съ кафе-шантаномъ г. Плещеевъ облюбовалъ уже таки давненько. Завязка его пьесы «Въ своей роли» съ какимъ-то «мотылькомъ», порхавшимъ раньше въ атмосферѣ матчишей и кэкъ-уоковъ и залетѣвшимъ потомъ, по милости слюняваго дворянчика, въ его родовое помѣстье,—даетъ себя чувствовать съ первыхъ же картинъ его новой пьесы «Съ налету». Услужливая печать, конечно, не преминула извѣстить почтеннѣйшую петербургскую публику, что въ Варшавѣ, гдѣ эта пьеса была впервые поставлена, она имѣла «колоссальный» (!?) успѣхъ. Весьма неважная аттестація вкуса польской публики! Или, можетъ быть, пьеса пришлась по вкусу полякамъ, какъ свидѣтельство вырожденія «московитскаго панства»? Кто его знаетъ? Мы же должны

констатировать тотъ фактъ, что давно не чувствовалось въ театрѣ такого общаго позыва ко сну, какъ на первомъ представленіи новой пьесы г. Плещеева.

Помѣщикъ Лавръ Былинцевъ (г. Хворостовъ) привезъ въ деревню свою гражданскую жену изъ бывшихъ кафе-шантаныхъ дивъ (г-жа Троянова). Въ деревнѣ Былинцевъ давно уже не былъ. Онъ уѣхалъ оттуда еще при жизни своей матушки, и общій укладъ жизни остался тотъ же. Тѣ же старые слуги въ лицѣ лакея Евграфа (г. Михайловъ), экономки Ифигении (г-жа Кривская), приказчика Собакина и т. д. Тутъ вы уже, конечно, понимаете, что кафешантанной дивѣ всѣ эти инвалиды, какъ и старыя постройки и запущенный садъ,—не по вкусу, и она начинаетъ заводить свои порядки. Старье она гонитъ въ шею, домъ велитъ сломать и строить чуть-ли не замокъ. А слабый, безвольный Былинцевъ хотя и кипитъ, говоритъ, что со своими старыми, дорогими ему людьми онъ не разстанется—но онъ пикнуть не смѣетъ и исполняетъ всѣ прихоти своей Цирцеи съ покорностью послушнаго теленка. Тутъ еще есть одна дѣва, нѣкая Наташа (г-жа Порчинская), племянница Евграфа и воспитанница матери Былинцева, кончившая гимназію и, какъ сами, вѣроятно, догадаетесь, преисполненная самыхъ высокихъ помысловъ о народѣ, о его тьмѣ и невѣжествѣ, необходимости школь и т. д. Все, какъ видите, какъ требуется по трафареткѣ! Ну-съ, кончается тѣмъ, что «гражданская» жена опутываетъ Былинцева, беретъ у него какіе-то векселя и, бросивъ его, описываетъ имѣніе. Далѣе, есть еще какой-то опереточный теноръ (г. Николаевъ), появляется матушка шантанной дивы, но это уже, такъ сказать, второстепенные персонажи.

Артисты Т-ва Литературно-Художественнаго театра сдѣлали все, что могли, чтобы какъ-нибудь вынести на своихъ плечахъ новое бездарное дѣтище г. Плещеева. Но это удалось имъ въ очень слабой степени. Долженъ сказать, не взирая на похвалы расточаемыя по адресу г. Гловацкаго, что стройности ансамбля ему не удастся достигнуть во вновь образовавшейся труппѣ. А весь этотъ ансамбль зимой у Суворина былъ образцовый при, почти, тѣхъ же силахъ. Сколько бездарно-написанныхъ вещей спасъ этотъ ансамбль отъ полного провала! И въ этомъ была его заслуга. Пьесы, несмотря на неважныя достоинства, смотрѣлись все-таки съ интересомъ.

Лучше другихъ былъ, конечно, г. Михайловъ въ роли лакея Евграфа. Это была живая, типичная фигура. Недурна была и г-жа Троянова въ роли бывшей «дивы» Беркутовой. Фигура и внѣшность вполне подходящая. Г-нъ Чубинскій—приказчикъ Собакинъ не переигрывалъ. Роль только ничтожная. Типичной старухой, экономкой-приживалкой была г-жа Кривская. Поражали неестественностью тона г. Николаевъ въ роли опереточнаго тенора и г-жа Николаева

въ роли горничной Лизы. Въ соответствующих тонахъ и достаточно характерно провела свою роль мать Беркутовой, г-жа Строганова. Роль сама не лишена характерности; особенно г-жа Строганова ярко отѣснила жадность и скаредничество опереточной старухи. Остальные исполнили были на своемъ мѣстѣ.

Ц. Г.

Концертъ А. Д. Вяльцевой. Въ Большомъ залѣ консерваторіи состоялся концертъ А. Д. Вяльцевой при участіи хора цыганъ изъ Стрѣльны (Москва).

Перечислять все, что пѣла въ тотъ вечеръ наша неподражаемая создательница цыганскаго жанра, мы не будемъ, такъ какъ количеству самыхъ разнохарактерныхъ романсовъ положительно не было числа, скажемъ только, что голосъ у А. Д. звучалъ прекрасно и публика безъ конца требовала все новыхъ и новыхъ романсовъ отъ своей любимицы.

Переполненный залъ, масса цвѣточныхъ подношеній и громкіе, долго несмолкаемые аплодисменты—вотъ лучшая и безпристрастная оцѣнка таланта А. Д.

А. Лециій.

Гастроли сестеръ Визенталь. Въ театрѣ «Фарсъ» гастролируютъ три сестры Визенталь.

Двѣ изъ нихъ, а именно Эльза и Грета изъ Вѣнской Императорской оперы, специальность ихъ—классическіе танцы. Гастроли ихъ у насъ въ Петербургѣ слѣдуютъ непосредственно послѣ ихъ гастролей въ Берлинъ и Вѣнѣ, гдѣ онѣ имѣли большой успѣхъ. Танцы ихъ очень оригинальны и красивы. Костюмы и прически очень стильны. Нѣкоторыя вещи имъ особенно удаются. Изъ нихъ укажемъ на Штраусовскіе вальсы, передача которыхъ у Визенталь не оставляетъ желать ничего лучшаго. Хотя танцы Визенталь и напоминаютъ немного жанръ Дунканъ, но они не такъ вульгарны своимъ оголеніемъ, что является ихъ достоинствомъ. Какъ намъ передавалъ импрессарио сестеръ Визенталь, послѣднія никогда не видѣли Дунканъ и поэтому подражать ей не могутъ.

Для Петербурга эти танцы представляютъ новое и во всякомъ случаѣ не безынтересное и вполне эстетическое зрѣлище.

Сашинъ.

„МЫСЛИ О ТЕАТРѢ“.

Такъ была названа лекція, прочитанная А. Р. Кугелемъ сначала въ театральномъ клубѣ, затѣмъ въ залѣ гражданскихъ инженеровъ. „Мысли о театрѣ“, съ такимъ же успѣхомъ можно было бы назвать эту лекцію и „Обзоръ театра съ птичьего полета“, или лучше „Взглядъ и нѣчто“. Ни одно изъ приведенныхъ названій не дастъ конкретнаго представленія о сущности лекціи.

Что касается меня, то я бы назвалъ лекцію А. Р. болѣе конкретно: пересказъ въ двухъ словахъ его обширныхъ, очень интересныхъ и содержательныхъ статей, напечатанныхъ въ журналѣ „Театръ и Искус-

ство“ (См. №№ 2, 3, 4, 10 и 11). Но, увы, пересказъ болѣе, чѣмъ неудачный.

Нельзя передать въ двухъ словахъ то, о чемъ можно написать чуть ли ни цѣлые томы.

Слишкомъ ужъ обширна тема, затронутая А. Р., чтобы могла она уложиться въ короткой двухчасовой лекціи.

Судите сами, вотъ передъ вами программа лекціи, или, вѣрнѣе, ея краткій конспектъ!

1. Театральное искусство и театръ.
2. Общій взглядъ на разные элементы театра.
3. Режиссеръ.
4. Московскій художественный театръ.
5. Театръ единой воли.
6. Утопіи.
7. Культура актера.

Это все, если можно такъ выразиться, самые наболѣвшіе вопросы въ жизни современнаго театра. Вопросы, о которыхъ можно говорить безъ конца о каждомъ въ отдѣльности. Соединить же ихъ всѣ вмѣстѣ и создать изъ этого тему для короткой лекціи является большой ошибкой. Результатомъ этого промаха и явилось то, что лекція была лишь небольшимъ наброскомъ въ нѣсколько штриховъ, а не большой превосходной и детально-отдѣланной и вполне законченной картиной, какую мы могли ожидать отъ такого знатока театра, какъ А. Р., человекъ всецѣло посвятившаго себя дорогому его сердцу искусству.

Присоединяясь въ принципѣ къ тому идеалу актера, который начертилъ въ своей лекціи А. Р., мы должны прибавить, что этотъ, какъ и всякій идеалъ, безусловно желательный, къ несчастью рѣдко достижимъ въ жизни. Этотъ идеалъ актера, такъ настойчиво подчеркиваемый лекторомъ на протяжении всей лекціи, можетъ быть выражень конкретно такъ: **Да здравствуетъ самостоятельное творчество актера и да здравствуетъ актеръ, какъ единственный и повластный повелитель сцены.**

А. Лециій.

— Въ Большой Аудиторіи Соляного городка была прочитана Ник. Д. Бернштейномъ шестая лекція по исторіи русской музыки на тему: „Ан. Гр. Рубинштейнъ“. Конспектъ лекціи приблизительно слѣдующій: Представители фортепьянной музыки въ Россіи съ Петровской эпохи до А. Г. Рубинштейна. Рожденіе А. Г. (16 ноября, 1829 г.). Его воспитаніе. Вліяніе на А. Г. его матери. Переѣздъ въ Москву (1834 г.). Занятія музыкой (1835 г.). Первый учитель А. Г. на роялѣ. И. А. Вилуанъ. Его вліяніе на дальнѣйшее музыкальное образованіе А. Гр. Первый концертъ 11 іюля 1839 г. Поѣздка въ Парижъ. Неудачная попытка поступить въ консерваторію въ Парижѣ. Концертное турнэ за границей. Франція, Германія, Голландія, Англія. Репертуаръ концертовъ Ан. Гр.—Бахъ, Мендельсонъ, Шопень, Листъ и другіе. Успѣхъ всюду сопровождавшій Ан. Гр.—Первое сочиненіе

„Undine“ (1844 г.). Возвращеніе въ Россію. Вторичное путешествіе за границу. Его занятія музыкой. Вліяніе на А. Гр. Мендельсона и Меербера. Смерть отца А. Гр. и возвращеніе въ Россію (1846 г.). Матеріальны невзгоды. Покровительство В. Кн. Елены Павловны. Представленіе Государю Николаю Павловичу и милостивый пріемъ, оказанный монархомъ.

Ан. Гр.—какъ первый музыкантъ-профессиональ. Отзывы Стасова и Сѣрова объ А. Гр. Идея созданія въ Россіи консерваторіи (1856-1857 гг.). Ея осуществленіе. Ан. Гр.—директоръ консерваторіи. Его уходъ. Турнэ по Америкѣ (выступилъ въ 215 концертахъ). Историческіе концерты. Смерть А. Гр. (8 ноября 1894 г.). Вліяніе Ан. Гр. на русскую музыку.

Творчество Ан. Гр. Его пѣсни.—„Передъ воеводой“. Фортепьянная музыка. „Melancolie“. „Preludé“. Каммерная музыка. Виолончельная соната ор. 18. Скрипичная соната ор. 19. Тріо (скрипка, виолончель и рояль) ор. 52. (andante, scherzo). Духовная опера изъ „Потеряннаго рая“. Гнѣвъ кипаетъ въ сердцѣ моемъ (Діаволь). Свѣтскія оперы. Романсъ Вани изъ „Дѣти степей“. Аріозо Іуды изъ „Маккавеевъ“. Терцетъ изъ „Купца Калашникова“. Пѣсня Педро изъ оп. „Среди разбойниковъ“.

Лекцію сопровождали многочисленныя и разнообразныя музыкальныя иллюстраціи въ исполненіи г-жи Эккертъ (рояль); гг. Ермакова, Кайданова, Томарсъ (пѣніе); Мальмгрень (виолончель), Михаловскій (скрипка) и Фистулари (рояль).

Интересная тема лекціи, какъ мы и предполагали, собрала полную аудиторію слушателей.

— Передъ праздниками возвратилась изъ турнэ оперная труппа подъ управленіемъ г. С. Маркова. Послѣдній городъ, который посѣтила труппа, былъ Псковъ. Въ составъ труппы входили; сопрано—г-жи Еремѣева, Пржебылецкая, теноръ Черновъ, баритоны Орловъ и Слестниковъ, басъ Москалевъ и др. Въ Псковѣ были поставлены: «Князь Игорь» Бородина и «Мазепа» Чайковскаго. Наибольшій успѣхъ выпалъ на долю баса Москалева, выступившаго въ партіи Владиміра Галицкаго въ «Князѣ Игорѣ». Успѣхами пользовалась также г-жа Еремѣева, выступившая въ партіи Ярославны въ «Игорѣ» и Маріи въ «Мазепѣ». Хорошо принимали также баритона Орлова, удачно справившагося съ трудной партіей «Мазепы» и Слестникова-Кочубея. Въ партіи Андрея былъ вполне на своемъ мѣстѣ г. Черновъ. Понравился также аудиторіи голосъ г-жи Пржебылецкой. Матеріальный успѣхъ средній.

— Такое же турнэ, подъ управленіемъ артиста Импер. театровъ г. Амирджана, совершила другая оперная труппа, въ составъ которой вошли; сопрано г-жи Тимошева, Ланская и Гурская, теноръ Ленскій, баритоны Амирджанъ и Волинскій и басъ

Москалевъ. Послѣдніе города, которые сѣтила труппа, были Ревель и Юрьевъ. Поставлено было по пяти спектаклей въ каждомъ городѣ. Шли оперы: «Дубровскій», «Кармень», «Фаустъ» и «Онѣгинъ». Большими успѣхами пользовалась г. Тимашева, выступавшая въ партіяхъ: Маши «Дубровскій», Маргариты «Фаустъ» и Микаэлы «Кармень». Понравилась также г-жа Ланская въ партіи Кармень и недурно справлялась со своими ролями г-жа Гурская, Выдающійся успѣхъ имѣлъ Москалевъ въ партіяхъ Дубровскаго-отца, кн. Верейскаго, Гремина и Мефистофеля, большинство номеровъ котораго артисту пришлось бисировать. Успѣхомъ пользовались также гг. Амирджанъ и Волинскій. Въ тѣни остался одинъ лишь Ленскій, голосовая данная котораго не вполне подходит для оперной сцены. Матеріальный успѣхъ труппы, въ общемъ, былъ недуренъ.

— Въ составъ труппы Маріинскаго опернаго театра принять молодой теноръ Н. Г. Васильевъ.

— Въ лѣтнемъ театрѣ и саду „Эрмитажъ“ въ Москвѣ, кромѣ фарсовъ, будутъ разыгрываться пантомимы 20 дрессированныхъ собакъ. Директоръ театра Я. В. Щукинъ потираетъ отъ удовольствія руками, — что ему удастся удивить Москву „собаками-артистами“. Въ добрый часъ! Отъ собакъ близокъ ереходъ къ свиньямъ и проч. благороднымъ животнымъ. Изобрѣтательный народъ въ матушкѣ-Москвѣ! Лавры Анатолія Дурова не даютъ спать московскимъ увеселителямъ.

— Возвратившійся изъ заграницы въ Москву Сабуровъ хвастается привезенными имъ новинками „999 рогоносцевъ“ и „У насъ на Востокѣ“; послѣдній фарсъ, вѣроятно, принадлежитъ перу Сабурова.

Ни для кого не тайна, что театр-фарсъ Сабурова питается исключительно твореніями своего хозяина. Выгодно. Не нужно платить авторскихъ.

— Оперное товарищество подъ управленіемъ М. Ф. Кирикова и М. С. Циммермана переходитъ изъ Народнаго дома въ „Петербургскій“ театр, бывшій „Неметти“, который оно арендовало у г. Строева на 6 лѣтнихъ сезоновъ. Лучшіе артисты Императ. и частныхъ театровъ обѣщали своими гастролями оказать поддержку новому предпріятію. Товарищество пріобрѣтаетъ новое имущество, какъ-то: костюмы, бутафорію и декорации, писать которыя приглашенъ декораторъ Императ. Московск. театр.

— Антрепренеромъ г. Никулинымъ составлена драматическая труппа для Воронежа. Составъ: г-жи Шейна, Стопорина, Нанинская, Коровина и др., гг. Никулинъ, Войтоловскій, Людвиговъ, Владиміровъ Викторъ, Петипа и др.

— Въ Петербургѣ въ настоящее время находится извѣстный въ провинціи оперный

баритонъ г. Аннинскій-Погорѣльскій. Предполагается дебютъ въ Народномъ Домѣ.

Изъ Одессы намъ сообщаютъ: На лѣтній сезонъ, который начался съ 14 с. апрѣля, режиссеромъ въ драматическую труппу Н. И. Лашковой-Вербинской приглашенъ не безызвѣстный въ столицѣ режиссеръ І. І. Арди.

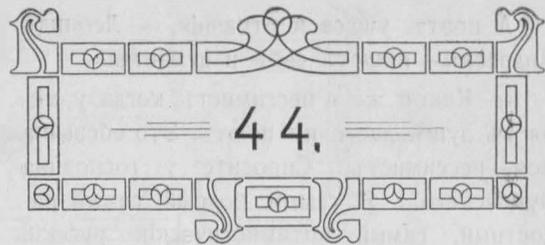
— Какъ мы слышали, Е. А. Бѣляевъ и А. Кручининъ организовали поѣздку по западнымъ и южнымъ городамъ, приблизительно по слѣдующему маршруту: первый спектакль предполагается 24 апрѣля въ Варшавѣ, затѣмъ идутъ Кіевъ, Харьковъ, Одесса, Николаевъ и друг. Поѣздка рассчитана на полтора мѣсяца.

Въ составъ труппы вошли: М. К. Шаровьева, И. И. Давыдова, Есиповичъ, М. И. Свободина-Барышева, Саранчева и друг., В. Н. Давыдовъ, П. Г. Баратовъ, В. А. Гарлинъ, М. А. Владиміровъ, П. А. Альбовъ, Голубевъ, Агулянскій, В. В. Александровскій и друг.

Репертуаръ: Свадьба Кречинскаго, Король, Дѣти Ванюшина (съ новымъ 4 актомъ), Тернистый путь, Филиппи, 2X2—5, Крахъ министерства и друг.

— Извѣстная и неподражаемая исполнительница цыганскихъ романсовъ А. Д. Вяльцева во время поста предприняла концертное турнѣ по Россіи. Концертировала А. Д. въ 18 городахъ (по одному концерту въ каждомъ). Всюду переполненные сборы и громадный успѣхъ сопровождали турнѣ.

Какъ намъ удалось слышать отъ самой А. Д., поѣздка въ общемъ итогъ дала блестящій результатъ—всего выручено за 18 концертовъ 40 тысячъ. Турнѣ продолжалось всего лишь 23 дня. На Ѳоминой А. Д. выступаетъ въ Москвѣ у Щукина.

44 лица, оказавшіяся принадлежащими къ труппѣ московскаго художественнаго театра, запроколнены за то, что пріѣхали въ Петербургъ по чужимъ бесплатнымъ служебнымъ билетамъ.

Посвящается Московскимъ художественнымъ зайцамъ.

Столица ихъ съ нѣжной тоскою
Давно ужъ къ себѣ поджидала,
И вотъ они дружной толпою
Въ испугѣ примчались съ вокзала.
На лицахъ ихъ отсвѣтъ печали;
Какая суровая доля!
Такой-ли они ожидали
Жестокой оцѣнки контроля?..

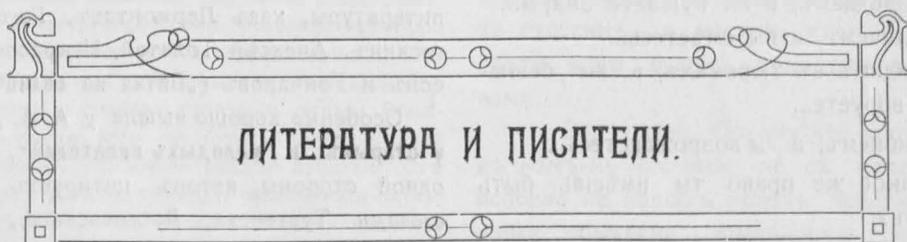
* * *

Героевъ прославленной сцены
А слава вѣдь все въ этомъ мірѣ,
Ихъ было жрецовъ Мельпомены
Не больше какъ сорокъ четыре...
И ждали цвѣтовъ и привѣтовъ
Они какъ жрецы—полубоги,
И вдругъ ихъ, увы, безъ билетовъ
Поймали неожиданно въ дорогѣ.

* * *

Звените-же громче литавры
Отъ Питера до Балаклавы,
Несите цвѣты имъ и лавры
И полные сборы для славы,
Они-жъ горизонты откроютъ
Со сцены все шире и шире
И силы удвоятъ, утроятъ,
Пока-же ихъ сорокъ четыре.

Видоплясовъ.

Властитель современныхъ думъ.

Я хочу говорить о Леонидѣ Андреевѣ.

Нашелся предлогъ — это итогъ его литературнаго десятилѣтія.

О немъ есть что сказать и о немъ говорятъ не меньше, чѣмъ о Валеріи Брюсовѣ.

Не больше, чѣмъ о Ѳеодорѣ Соллогубѣ...

Не меньше, чѣмъ объ Александрѣ Блокѣ...

И все шиворотъ-навыворотъ...

Чудаки, эти самоновѣйшіе критики!..

О Львѣ Толстомъ—ни гу-гу...

О Сергѣѣ Городецкомъ цѣлый фельетонъ.

В. Г. Короленко прозябаетъ въ Полтавѣ.

Не вспомнать... Да и газеты заняты абонементно.

— Очередь мистера Кузьмина!..

Эки!..

Спасибо, что не замалчиваютъ Леонида Андреева...

Бальмонтъ написалъ въ «Руси» «Малиновку», даже «Русское Знамя» подхватило...

А П. Я. «пропадаетъ въ неизвѣстности».

Кого возлюбятъ, о томъ говорятъ...

Больше даже, свистокричатъ...

Стараются...

Нѣкоторые изъ эдакихъ критиковъ зубы поломали на соллогубовщинѣ...

Теперь стараются расшибить носы о Леонида Андреева, и расшибутъ; чувствую, госу- усердствуютъ...

А поэтъ ужаса и ртчаянія, — Леонидъ Андреевъ,—пишетъ себѣ и думаетъ:

— Какой же я пессимистъ, когда у меня въ душѣ ласточки поютъ. Это обезьяна моя—пессимистъ... Спросите у господина Чуковского... Я самый бодрый, самый радостный, самый оптимистическій русскій писатель.

И пишетъ «Жизнь человѣка», «Царь-Голодъ» и напишетъ еще «Смерть человѣка».

— Милый этотъ Петроній! Сдѣлаю по его совѣту... Смерть у меня будетъ изображать жестокая, чистоплотная старушка. Въ «Царь-Голодѣ» былъ просто символизмъ, а здѣсь будетъ психологическій символизмъ... Гмъ!.. Причемъ тутъ, однако, жестокая, чистоплотная старушка?!

Если вѣрить критикамъ, то Леонидъ Андреевъ совсѣмъ не послѣдовательный писатель...

И даже не писатель, а просто злободневный фельетонистъ...

Скачетъ, какъ ночная серна по бѣлоснѣжной простынѣ. Отъ натурализма къ реализму!..

Надоѣло.

Отъ реализма къ символизму!..

Прискучило.

Отъ символизма къ психологическому символизму!..

Прямо, что-то невѣроятное.

Впрочемъ, Богъ съ ними, съ эдакими критиками...

Я хочу говорить о Леонидѣ Андреевѣ.

О его «Тъмѣ», въ которой много свѣта...

Объ авторѣ столь маленькой незначительной фразы:

— Какое же право ты имѣешь быть хорошимъ?

Мы тонемъ въ нищетѣ, а вы купаетесь въ брилліантахъ...

Мы голодаемъ, а вы кушаете омары...

Мы плачемъ, а вы смѣетесь...

Мы сидимъ въ тюрьмахъ, а вы безнаказанно воруете...

Мы гибнемъ, а вы возрождаетесь...

— Какое же право ты имѣешь быть хорошимъ?

Вотъ путеводный огонекъ, по которому человѣчество должно найти дорогу ко всеобщему счастью...

— Какое право имѣю я быть хорошимъ?..

И я спускаюсь туда, въ эту «гущу жизни», снимаю съ себя великолѣпныя одежды, надѣваю одежду ихъ, питаюсь чернымъ хлѣбомъ, пью воду, а не шампанское...

Это называлось въ 60-е годы опроститься...

Теперь это называется: «Какое право имѣю я быть хорошимъ...»

Въ этой фразѣ весь смыслъ жизни...

Шестидесятники прониклись словомъ «опроститься» внѣшне, но не внутренне.

Они одѣвали одежды крестьянъ: зипуны, лапти, носконныя рубахи, но оставались въ душѣ тѣмъ, чѣмъ они были...

И получались курьезныя и смѣшныя и даже трагическія исторіи, если вѣрить И. С. Тургеневу...

Помните въ «Нови», въ кабацкѣ чуть-чуть не побили такого народника за то, что онъ не перекрестился, когда его угощали изъ рюмки виномъ...

Внутренне-опроститься, — какая глубокая и великая мысль!..

— Какое право имѣю я быть сытымъ?

— Какое право имѣю я быть хорошимъ?

— Какое право имѣю я быть честнымъ?

И я твердо увѣренъ, что совѣсть многихъ изъ насъ уже давно задавала эти вопросы...

И, вотъ, сказалъ эту вѣщую фразу прекрасный художникъ, и фраза эта, дремавшая въ насъ, получила тотъ смыслъ, о которомъ люди почему-то боялись думать...

— Какое право имѣю я быть хорошимъ?

И, можетъ быть, близко то время, когда человѣчество проникнется тайнымъ смысломъ этой фразы, — замучить совѣсть—и изъ тьмы прорѣжется ослѣпительно-утренній свѣтъ...

М. Поповъ.

— Вышла книга А. А. Измайлова «Кривое зеркало» — пародіи и шаржи.

Авторъ очень искусно рисуетъ карикатуры, какъ на современныхъ писателей, среди которыхъ: К. Бальмонтъ, З. Гиппиусъ, Танъ, И. Рукавишниковъ, Скиталецъ, Вяч. Ивановъ, С. Городецкій, А. Блокъ, Кузьминъ, Андреевъ, Максимъ Горькій, Юшкевичъ, — такъ и на старыхъ писателей. Не пощажены имъ даже такіе столпы русской литературы, какъ Лермонтовъ, Гоголь, Загоскинъ, Алексѣй Толстой, Некрасовъ, Надсонъ и Гончаровъ («Пятна на солнцѣ»).

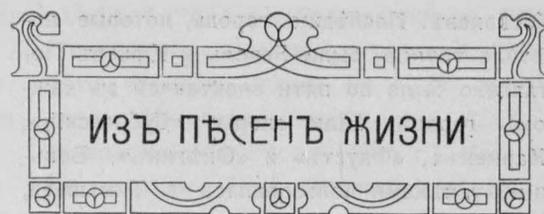
Особенно хорошо вышла у А. А. «Любовь у старыхъ и молодыхъ писателей», гдѣ, съ одной стороны, авторъ цитируетъ *своими словами* Тургенева, Достоевскаго, Чехова, Мордовцева, Шеллера, а съ другой—М. Горькаго, Брешко-Брешковскаго, Арцыбашева, Каменскаго и Кузьмина.

Не лишены остроумія также и «Исторія русской критики» и «Канъ писать святочные рассказы».

Вообще книжка составлена очень искусно и читается съ большимъ интересомъ.

— Θεодоръ Соллогубъ написалъ новую пьесу «Ночныя пляски».

— А. Н. Сальниковъ занялъ составленіемъ книги-сборника, приуроченнаго къ юбилею Л. Н. Толстого «Настольный Толстой».

О, зовите къ прекрасному, ясному
Зачарованныхъ скорбью людей,
Укажите пути заповѣдныя
Къ блеску дальнихъ огней!..

Если счастье и радость затмилися
Мрачныхъ буденъ безликой тоской,
Если жизнь безразлично замкну-

лася,
Навѣвая позорный покой,—

Пусть звучатъ ваши пѣсни краси-

вые
Объщаньемъ безоблачныхъ дней,
Пусть зовутъ онѣ къ радостно-

ясному
Блеску дальнихъ огней.

Еф. Бахаревъ.

Гаснутъ въ черной тишинѣ
Жалобы неслышныя...

Ахъ, зачѣмъ, зачѣмъ на мнѣ
Эти ткани пышныя.

Ахъ, зачѣмъ и ночь, и день,
Только стѣны горницы.

Да шаги, да чью-то тѣнь
Ловить взглядъ затворницы.

Расцвѣло въ глухой клѣти
Сердце лебединое

И не знаетъ какъ уйти,—
Взвисься надъ трясиную.

Ты приди ко мнѣ, приди,
Крадучись за тучами,

Приголубь къ своей груди
И умчи надъ кручами...

Глубже къ ночи грусть-змѣя,
Глубже дума дѣвичья:

Про волшебные края,
Про Иванъ-Царевича.

Скрипнетъ ветхое-ль крыльцо,—
Тишь вспугнетъ обманами,

Вспыхнетъ блѣдное лицо
Алыми румянами.

Ахъ, къ чему, на ширь луговъ,
Къ свѣту, къ вольной волюшкѣ,

Не уйти тебѣ отъ ковъ
Безотрадной долюшки.

О себѣ—для всѣхъ.

Выпуская въ свѣтъ 1 № своего журнала въ 1907 г., мы, между прочимъ, писали: „Придерживаясь идеи націонализаціи театра, мы всегда будемъ привѣтствовать появленіе на нашей сценѣ своего, русскаго, самобытнаго“.

Эти строки нашего credo дали поводъ „Одному изъ подписчиковъ, какихъ много“, скрывшемуся за этой анонимной подписью, написать намъ письмо, наполненное укорицами по нашему адресу. Это письмо настолько характерно, что, несмотря на его анонимность, мы считаемъ своимъ долгомъ опубликовать его полностью:

„Милостивый Государь, г. редакторъ! 12 № вашего журнала... мною полученъ и... тяжелое щемящее чувство охватило меня. Не могу не высказаться и передъ вами. Взгляните, вчитайтесь въ эпиграфъ моего письма! Въдъ это ваша, ваша же программа, добровольно вами избранная, прочувствованная, но теперь, увы!.. уже бывшая программа! Почему бывшая?! Досадно, страшно досадно... Значить и вы, бѣдный, пали на полъ брани, не выдержали и покатались тоже „туда же“—подъ ладъ „Театра и Искусства“, „Обозрѣнія Театровъ“ и т. п. „національно-рушкихъ“ театральныхъ листовъ?!

Да, говорятъ, не легко теперь,—подобно нѣкоторымъ лишь счастливымъ изданіямъ печати, отвоевавшимъ себѣ самостоятельность,—устоять подъ стихійно-бѣшеннымъ натискомъ кагала на русскую печать!

Взгляните на эпиграфъ письма и откройте обложку № 12-й журнала... „Губернаторъ ѣдетъ. Рассказъ Шаломъ Аша“...

Тенденціозно-ехидная, чисто-еврейская штука чистокровнаго еврея-писателя! Взгляните еще разъ на эпиграфъ письма и отверните страницу 15-ю того же №... Отдѣлъ по Россіи, корреспонденціи изъ Бѣлостока и Вильны...

Кто ихъ столь восторженные авторы?—понять не трудно.

Какъ же оно попали на страницы національно-русской „Сцены и Жизни“ и какой интересъ такія подробности представляютъ для русскаго читателя, любителя роднаго своего театра?—Понять совершенно невозможно.

Каковы смыслъ и цѣль подобныхъ корреспонденцій о еврейскихъ театрахъ?—Да тѣ же, что и самаго еврейскаго театра въ настоящее время: политическая агитація. Посмотрите содержаніе пьесъ, упоминаемыхъ въ этихъ корреспонденціяхъ: „Вѣчная пѣсня“, въ которой авторъ рисуетъ жизнь

бѣдныхъ рабочихъ“, „Разбитыя сердца“... „Это образцы общественной (!) драмы, которая рисуетъ отвратительныя условія жизни въ еврейской массѣ, ея бѣдность, часто граничащую съ нищетой, постоянную заботу о хлѣбѣ насущномъ и т. п. Благодаря этому пьесы имѣютъ большое воспитательное (?) значеніе, особенно (но не исключительно!!) для еврейской массы“. Какъ видите, все сводится къ разжиганію политическихъ страстей. А такъ какъ еврейскій театръ никогда на посѣщаемость его не евреями рассчитывать не можетъ, во-первыхъ, изъ-за полнаго непониманія языка, изучаемаго лишь учеными специалистами, да и то не жаргонъ же, конечно, во-вторыхъ, изъ-за исключительной обособленности этого племени ото всѣхъ остальныхъ народовъ міра. и, наконецъ, изъ-за прирожденнаго всѣмъ народамъ чувства гадливости къ этому племени, какъ живущему по заповѣдямъ страшнаго талмуда,—то юркіе писаки „изъ насихъ“ спѣшатъ при помощи такихъ вотъ корреспонденцій возвѣстить всему міру о великой политической мудрости будущихъ по талмуду господъ надъ изгоями.

Въ такомъ случаѣ подобныя корреспонденціи были бы несравненно умѣстнѣе въ „Биржевыхъ Вѣдомостяхъ“, „Руси“, „Рѣчи“, „Реформѣ“ и пр. еврейскихъ органахъ, а не въ національно-русскомъ, притомъ не политическомъ, а художественномъ журналѣ, да еще общаваемъ „не слишкомъ утомлять вниманіе читателя и безъ того уже утомленнаго чтеніемъ ежедневной прессы“?—Конечно такъ, но на то и еврейская изворотливость, чтобы все облечь въ подходящую форму, и пролѣзть туда, куда, казалось-бы, не вотрешься, Вы посмотрите, чѣмъ эти двѣ корреспонденціи не настоящія театральныя рецензіи по внѣшнему виду? А выраженія? Въ такихъ выраженіяхъ, въ какихъ аттестованы не только еврейскія „знаменитости“, въ родѣ супруговъ Адлеръ, но и простые начинающіе бѣлостокскіе еврейчики-любители,—мы призывали читать отзывы развѣ лишь объ игрѣ Савиной, Ермоловой, Давыдова, Варламова и пр. „классиковъ“ отечественной сцены. Особенно капитально заключеніе бѣлостокской корреспонденціи! Послушайте: „Нельзя не выразить благодарности председателю и членамъ правленія новаго Общества (отъ имени кого же будетъ выражена эта благодарность?! Отъ имени русской публики?! Отъ имени всего „своего, русскаго, самобытнаго на нашей сценѣ“?! Что-ли?), которые приложили не мало труда и энергіи для созданія столь полезнаго (Для кого? Для русской публики?! Для „своего, русскаго самобытнаго“(!) учрежденія)...“ И все это редакція помѣщаетъ безъ обиняковъ, безъ оговорокъ, какъ нѣчто вполне естественное, сли-

вшея съ русской „самобытностью“, вмѣсто того, чтобы сообщить кратко, въ хроникѣ хотя-бы, что въ Бѣлостокѣ открылось еврейское общество любителей литературы и искусства, если ужъ редакція признала нужнымъ порадовать такимъ событіемъ русскаго читателя!

О доступныхъ же множеству русскихъ театровъ „живыхъ“ западно-европейскихъ сценахъ редакція не упомянула ни разу?!

При такихъ условіяхъ, открывъ широко двери политикующимъ еврейскимъ корреспондентамъ, редакція быстро, надо полагать, перещеголяетъ даже „Театръ и Искусство“, — отбившее кстати отъ себя съ 1906 г. весьма многихъ русскихъ подписчиковъ,—такъ какъ побѣда надъ объявившимъ было столь „смѣлую“ программу журналомъ явится особенно заманчивой для представителей „избраннаго народа“. Поневоля съ тяжелымъ вздохомъ помянешь прекращеніе изданія, столь „чистоплотнаго“ и изящнаго по своему содержанію, какъ плещеевскій „Петербургскій Дневникъ Театрала“, всѣ вышедшіе номера котораго я свято храню“.

Что можно отвѣтить на такое письмо?

Только одно: мы не юдофилы и не юдофобы. Нашъ девизъ: нѣсть эллинъ, ни іудей...

Подъ своимъ, русскимъ, самобытнымъ мы разумѣемъ не самообманъ шовинизма въ узкомъ его значеніи, а реальную совокупность, ту сумму здоровыхъ вѣяній и мыслей въ литературѣ и искусствѣ, которыя рождаются здѣсь, у насъ, подъ нашимъ туманнымъ небомъ, хотя и не въ груди истиннаго россиянина, а въ израненномъ сердцѣ инородца: поляка, еврея, киргиза, татарина...

И до тѣхъ поръ, пока эти инородцы живутъ въ Россіи, мыслятъ, какъ мы, называютъ Россію своей родиной, до тѣхъ поръ мы будемъ относиться къ нимъ, какъ къ русскимъ, и всякую ихъ мысль, талантъ, идею будемъ привѣтствовать словами:

— Это наше!.. Потому что оно прибыло къ намъ не изъ внѣ, не съ налету. Оно вспоено на нашихъ поляхъ, вскормлено нашими обычаями, преданіями, порядками. Это наше родное... хотя бы и на еврейскомъ жаргонѣ!..

Редакція.

Кієвъ. Кажеться, ни одинъ сезонъ не далъ кієвской публикѣ такого разнообразія и обилія театральныхъ зрѣлищъ, концертовъ, публичныхъ лекцій, какъ нынѣшній. Начнемъ съ 5 недѣли поста. Не успѣли ухъать г-жа Люце и г. Скампини, какъ начались гастроли Маріи Гай и Л. Собинова. Одновременно были объявлены 3 сеанса Айседоры Дунканъ. Публика разрывалась на части; каждый старался успѣть насладиться чуднымъ пѣніемъ и художественной игрой г. Собинова, лицеэрѣтъ „дивную„ Карменъ—Марію Гай и плѣниться „гармоніей тѣла“ Айседоры Дунканъ. Послѣдняя, вызвавъ безконечные дебаты среди нашихъ меломановъ, раздѣлила ихъ на два лагеря. Одни являлись горячими поклонниками ея таланта, видѣли въ ней чудную истолковательницу музыкальныхъ эмоцій, другіе низводили ее на ступень посредственной балерины, привлекающей публику игрой своего тѣла; словомъ,—спорамъ не было конца.

Выдающийся музыкальный интересъ представлялъ концертъ знаменитаго кантора Сироты. Обладая чуднымъ теноромъ, г-нъ Сирота выказалъ много вкуса и художественнаго чутья въ своей передачѣ духовной музыки. Слѣдуетъ отмѣтить концертъ скрипача М. Сикарда. Отсутствие фантазіи и разнообразія поэтическихъ красокъ, лишаютъ игру этого артиста яркой индивидуальности. Являясь прекраснымъ техникомъ, щеголяя чистотой своихъ flageolet'въ, красивымъ, легкимъ „piscicato“ смычка, г. Сикардъ своей игрой не будитъ въ васъ тревоги, не касается сокровенныхъ тайнъ вашей души; такой артистъ никогда не создастъ настроенія. „Оперное упражненіе“ учащихся Кіевск. Императ. Музыкальнаго училища наиболѣе ярко выказало всю несостоятельность школы пѣнія г. Петца и К^о. Между тѣмъ, сколько сочныхъ, красивыхъ голосовъ послѣ непродолжительныхъ занятій подъ руководствомъ почтенныхъ „профессоровъ“ или совсѣмъ пропадало, или являло жалкіе слѣды былой силы.

Спектакль въ пользу „Театральнаго Общества“, состоявшійся въ Соловцовскомъ театрѣ, прошелъ съ хорошимъ матеріальнымъ успѣхомъ. Ставили „Корневильскіе колокола“ при участіи лучшихъ оперныхъ силъ. Наибольшій успѣхъ выпалъ на долю г-жи Арцыбашевой (Серполета), г. Цесевича (Гаспаръ), г. Андреева (Маркизь), г. Селявина (Гренише). Концертъ въ пользу недостаточныхъ студентовъ, устроенный при ближайшемъ участіи г. Собинова, съ матеріальной стороны удался, но закончился небольшимъ инцидентомъ. Для участія въ концертѣ были приглашены нѣкоторыя „силы“ изъ „Олимпа“ и „Шато“; это не понравилось извѣстной части публики, которая выказала свое неудовольствіе имѣющимися въ ее распоряженіи „средствами“. Спектакли

въ театрѣ общества грамотности (дирекція Богарнэ) закончились бенефисомъ г. Орлова-Чужбинина. Въ Зудермановской „Чести“ талантливый актеръ сердечно простался съ Кіевской публикой. Оваціямъ и подношеніямъ не было конца.

Изъ многочисленныхъ публичныхъ лекцій нужно отмѣтить лекцію г. Когана „Европейское декаденство, какъ поэзія вырождающейся буржуазіи“. Затѣмъ слѣдуетъ цѣлый рядъ бездарныхъ лекцій, посвященныхъ половому вопросу. Ниже всякой критики лекція г. К. Чуковского о Леонидѣ Андреевѣ и его піесѣ „Царь Голодь“.

Отрадное явленіе представлялъ симфоническій концертъ подъ управленіемъ А. И. Зилоти, посвященный исключительно произведеніямъ русскихъ композиторовъ. Пора уже знакомить публику съ произведеніями нашихъ композиторовъ, занявшихъ уже давно почетное мѣсто среди корифеевъ современной музыки. Гвоздемъ программы была 8 симфонія Глазунова, въ первой части которой композиторъ, благодаря чудной гармонизаціи и великолѣпной инструментовкѣ, достигаетъ поразительно сильнаго впечатлѣнія, 2 часть навѣяна какъ будто скорбной музой Чайковского. Громоздка немного 3-я часть (Scherzo), 4 часть (Moderato sostenuto) имѣетъ задачей передать смыслъ христіанства, понимаемаго, какъ дѣятельная полнота жизни въ любви и радости. Симфонія у публики успѣха не имѣла, такъ какъ музыка ея говоритъ болѣе уму, чѣмъ сердцу. Какъ интерпретаторъ этой симфоніи, такъ и остальныхъ номеровъ программы, (Тема съ варіаціями изъ 3-й сюиты—Чайковского, русскія пѣсни для оркестра: Лядова, Р. Корсакова и Глазунова), г. Зилоти стоялъ на высотѣ своей задачи, выказавъ знаніе партитуръ, тонкій вкусъ и способность проникаться духомъ исполняемыхъ вещей. Солисткой выступила г-жа Е. И. Збруева, прекрасная пѣвица, ласкающая слухъ разнообразными оттѣнками своего меццо-сопрано, яркаго, сочнаго тембра. Пѣвица пользовалась успѣхомъ.

Въ спектакляхъ товарищества подъ управленіемъ С. В. Брыкина примутъ участіе: Вѣра Люце, М. Н. Черкасская, Л. М. Клеменьевъ и Е. Джиральдони. Предполагаемый пасхальный репертуаръ: Русалка, Севильскій Цирюльникъ, Евгенийъ Онѣгинъ, Сказка о Царѣ Салтанѣ, Царь плотникъ, Лакмэ, Травіата. Неронъ, Фаустъ, Пиковая Дама, Гугеноты.

Съ 14 апрѣля спектакли „Товарищества Новой Драмы“ подъ управленіемъ В. Э. Мейерхольда. Репертуаръ: „Побѣда смерти“, Θεодора Сологуба, „У царскихъ вратъ“, Гамсуна, „Балаганчикъ“—Блока, „Электра“—Гофманстала и „Строитель Сольнесъ“—Ибсена. Въ недалекомъ будущемъ состоится одна гастроль Рошиной-Инсаровой; идетъ „Цѣна жизни“—Немировича-Данченко.

Владивостокъ. По инициативѣ мѣстнаго обывателя г. Дукельскаго, въ самомъ не далекомъ будущемъ, здѣсь открывается народный театръ. Для означенной цѣли г. Дукельскій думаетъ приспособить лѣтній театръ-циркъ, достаточно отремонтировавъ его и расширивъ сцену, Задача этого народнаго театра будетъ сводиться главнымъ образомъ къ дешевымъ цѣнамъ на мѣста. Нужно надѣяться, что это новое «театральное предпріятіе», попавшее въ болѣе или менѣе надежныя руки, несомнѣнно дастъ, во первыхъ хорошій матеріальный успѣхъ для предпринимателя, а во вторыхъ, нѣсколько подорветъ аппетитъ г. Арнольдова, дошедшій въ послѣднее время до нестерпимо громадныхъ размѣровъ. Арнольдову все еще грезятся ласки «бѣшенныхъ денегъ» войны и, на имѣющую здѣсь подвизаться оперету, въ лѣтній сезонъ, онъ назначилъ такія цѣны на мѣста, что обыватели только почесываютъ затылки. Злосчастный антрепренеръ, очевидно, хочетъ наверстать потерянное и забываетъ, что по малинку спустя годикъ въ лѣсъ не ходятъ. Что прошло, того ужъ не вернешь и нужно приспособляться къ теперешнему времени повсемѣстнаго безденежья, которое въ числѣ другихъ болѣе или менѣе театральныхъ городовъ Россіи постигло и Владивостокъ. Мѣстное общество приказчиковъ также устраиваетъ въ своемъ новѣмъ собств. зданіи театръ. Условія эксплоатаціи его пока еще не выяснены. Собраніе поручило П. В. Копылову и С. И. Паршину выработать программу функцій театра и внести ее на разсмотрѣніе собранія. Судя по удачному выбору коммисіи, главнымъ образомъ г. Копылова, извѣстнаго уже здѣшнему обществу за энергичнаго и опытнаго въ театральномъ дѣлѣ человѣка, поставившаго цѣлый рядъ спектаклей и другихъ развлеченій для мѣстнаго вольно-пожарнаго общества, театръ приказчицкаго собранія также долженъ быть обезпеченъ съ матеріальной стороны.

Въ Народномъ домѣ подвизается кружокъ любителей, главнымъ образомъ, изъ рабочаго элемента. Ставятъ легкія комедіи и водевили. Спектакли заканчиваются обыкновенно танцами съ боемъ конфети, летучей почтой и проч. Зрительный залъ бываетъ переполненъ исключительно подростками, большими охотниками до танцевъ и, какъ я замѣтилъ, того гаденькаго флирта, который, кстати сказать, почему то, и такъ ненужно, привился въ Народномъ домѣ.

Предстоятъ концерты Грюнбергъ.

Прошли гастроли драматической труппы во главѣ съ Писаревой. Публика принимала гастролеровъ холодно и при маленькихъ сборахъ.

М. Анинь.

Редакторъ-Издатель В. Г. БЛОХИНЪ.